

УДК (811.161.1'373)Карамзин

Иоакимиди Еирини
(**Ιωακείμιδη Ειρήνη**)

Типы лексических единиц в текстах Н.М. Карамзина (на примере «Писем русского путешественника»)

Иоакимиди Еирини (Ιωακείμιδη Ειρήνη, Салоники, Греция), студентка Института Русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия)

E-mail: Eirini-ioak@hotmail.com

Статья представляет собой опыт создания целостной картины всех типов лексических единиц, представленных в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина — заимствований, калек, архаизмов и неологизмов. Словоупотребление и лексико-тематические характеристики рассматриваются в связи и как следствие социальных процессов в русском обществе.

Ключевые слова: Карамзин, Тредиаковский, Шишков, Пушкин, заимствованная лексика, кальки, архаизмы, неологизмы.

Введение

Русский язык — один из самых развитых и богатых языков мира. На это постоянно обращают внимание современные учёные, общественные деятели, писатели, поэты. В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзин писал:

«Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своём почти без всякого чуждого примеса течёт, как гордая, величественная река — шумит, гремит — и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!» [*Карамзин 1964.г., с. 575*].

Н.М. Карамзин около сорока лет занимался литературной деятельностью, начиная её в разгар французской революции и продолжив в годы побед русского оружия в Отечественной войне 1812 года и в канун дворянского антиправительственного восстания 14 декабря 1825 г. Само время и события определили общественную и литературную позицию писателя.

Одна из величайших заслуг Карамзина перед русской культурой — осуществлённая им реформа русского литературного языка, завершить которую выпало на долю А.С. Пушкина. Н.М. Карамзин вошёл в историю, как великий реформатор русского языка. Он работал над развитием лексической системы русского литературного языка. Н.М. Карамзин и его сторонники ставили себе целью образовать доступный широкому читательскому кругу один язык «для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут» [*Виноградов 1978, с. 49—50*]. Этот новый язык должен был стать языком русской общественности, русской цивилизации, языком «хорошего светского общества»¹.

¹ Принцип сближения русского литературного языка с разговорным, согласно которому язык должен быть единым «равно для книг и для общества, чтобы писать как говорят и говорить, как пишут», сформулировал последователь Н.М. Карамзина писатель и литературный критик П.И. Макаров в опубликованной в № 12 журнала «Московский Меркурий» за 1803 г. рецензии на трактат А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка».

В понятии «хорошего общества» Н.М. Карамзин, в отличие от А.С. Пушкина, не объединял «образованное сословие» и простой народ. Поэтому «новый слог Российского языка» не был достаточно демократичен. Он опирался на «светское употребление слов» и на «хороший вкус» европеизированных верхов общества. Тем не менее, реформа русского лите-

**Иоакеимида Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

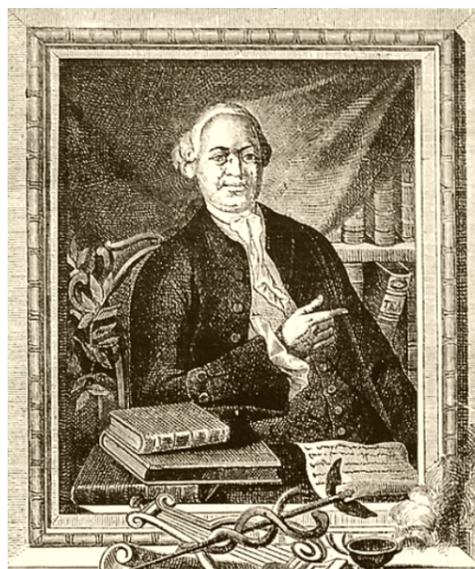
ратурного языка, произведённая Н.М. Карамзиным, значительно содействовала развитию и углублению национальных тенденций в русском литературном языке.

Будет неверным думать, что реформу русского языка Н.М. Карамзин начал осуществлять, что называется, «с нуля», — то ли по собственной прихоти, то ли в силу снизошедшего вдруг на него некоего озарения. Разумеется, всё это не так. Во-первых, никакие серьёзные преобразования не могут быть успешны, если они затеваются «с нуля». Любые большие и глубокие преобразования в жизни любого общества, будь это преобразования в политике, в экономике, в культуре или же в языке, будут успешны и удачны лишь в том случае, если в данном обществе уже сложились объективные условия для таких преобразований. Языковая реформа, осуществлённая Н.М. Карамзиным — это закономерное звено в длинной цепи реформ и преобразований в жизни России, начало которым было положено Петром Великим. Во-вторых, у Н.М. Карамзина есть предшественник — В.К. Тредиаковский [Алпатова 2012, с. 81], который ещё в 1730 г. в предисловии к своему переводу французского романа Поля Тальмана «Езда в остров Любви» обосновал необходимость употребления в литературных произведениях именно русского языка, а не церковнославянского, как было до того времени:

«На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную неславенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенской, у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многия его наши читая не разумеют; а сия книга есть СЛАДКИЯ ЛЮБВИ, того ради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется может быть самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми...» [Тредиаковский 1849, с. 649].

П.А. Вяземский писал о В.К. Тредиаковском:

«Его мысль, что наш язык должен образоваться употреблением, ... очень справедлива. Он чувствовал, что один письменный язык есть язык мёртвый. Здесь он как будто предчувствует и предугадывает Карамзина. Но, как Моисей, он сам не успел и не умел достигнуть обетованной земли» [Вяземский 2000, с. 83].

Слева — Николай Михайлович Карамзин (1766—1826). Гравюра Ф. Кюнеля. 1799—1800.

Справа — Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769). Гравюра по портрету работы Ф.С. Рокотова. 1760-е гг.

Казанский поэт Г.П. Каменев (1772—1803), описывая свою встречу с Н.М. Карамзиным, приводит его слова о том, как он (Карамзин) начинал свою творческую деятельность:

«Вознамерясь выйти на сцену, я не мог сыскать ни одного из русских сочинителей, который бы был достоин подражания, и, отдавая всю справедливость красноречию Ломоносова, не упустил я и заметить штиль его: вовсе не свойственный нынешнему веку, и старался писать чище и живее» [Валеев 2001; Второв 1845, с. 50].

Не следует, однако, считать, будто бы писатель отвергал литературное творчество М.В. Ломоносова. Вовсе нет. Карамзин был критик строгий, но величия Ломоносова он ни в коем случае не отрицал. Называя его «отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства», Н.М. Карамзин уточняет:

«Лирическое стихотворство было собственным дарованием Ломоносова. Для эпической поэзии нашего века не имел он, кажется, достаточной силы воображения, того богатства идей, того всеобъемлющего взора, искусства и вкуса, которые нужны для представления картины нравственного мира и возвышенных, иройских страстей. Трагедии писаны им единственно по воле монархини; но оды его будут всегда драгоценностию российской музыки. В

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

них есть, конечно, слабые места, излишности, падения; но все недостатки заменяются разнообразными красотами и пиитическим совершенством многих строф. Никто из последователей Ломоносова в сем роде стихотворства не мог превзойти его, ниже сравняться с ним.

Проза Ломоносова вообще не может служить для нас образцом; длинные периоды его утомительны, расположение слов не всегда сообразно с течением мыслей, не всегда приятно для слуха; но талант великого оратора блистает в двух похвальных речах его, которые и теперь должно назвать одним из лучших произведений русского, собственно так называемого, красноречия.

Если гений и дарования ума имеют право на благодарность народов, то Россия должна Ломоносову монументом» [Карамзин 1964.в, с. 169].

Карамзин стремился так реформировать русский язык, чтобы он мог вытеснить из обихода дворянства язык французский. В этом литератор видел свой патриотический долг.

«Русский кандидат авторства, — отмечает он, — недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски!» [Карамзин 1964.б, с. 185].

Не бывая в обществе, «трудно писателю образовать вкус свой, как бы он учён ни был»; «хорошие авторы» появятся в России тогда, когда

«увидим между светскими людьми более учёных»; ведь и «все французские писатели, служащие образцом тонкости и приятности в слоге, переправляли, так сказать, школьную свою ретику в свете, наблюдая, что ему нравится и почему» [Карамзин 1964.б, с. 186].

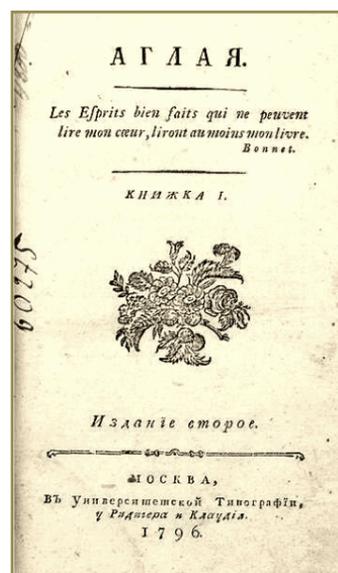
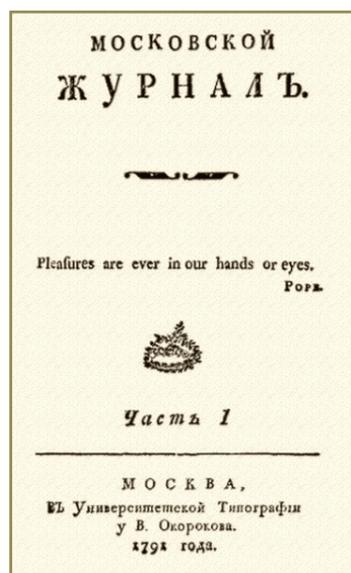
Требование приблизить книжный язык к разговорной речи сталкивалось, однако, с большими трудностями, и главная из них — неупорядоченность, неустойчивость самого этого разговорного языка. Следовательно, нельзя было просто принести в книгу, узаконить в качестве литературной нормы то, что реально существовало в широком светском обиходе. Разговорный язык ещё сам нуждался в обработке и нормализации.

В 80-е годы XVIII в. закладывались основы «нового слога»: в полную же меру новые пути в тенденции развития литературного языка обнаружили себя в 90-е годы. Ярким свидетельством этого процесса был «Московский журнал» Н.М. Карамзина, в котором впервые были опубликованы такие его произведения, как большая часть «Писем русского путешественника», повести «Бедная Лиза», «Фрол Силин» и др., много переводов, рецензий, заметок, стихотворений и т.д.

М.П. Погодин, касаясь первого из «Писем русского путешественника (оно было помещено в 1-й книге «Московского журнала»), писал:

«...вы слышите в нём совершенно новый язык сравнительно с тем, который слышался в предшествовавших опытах Н.М. Карамзина, сравнительно с тем, который употреблялся современными его писателями. Это письмо составляет эпоху в истории русского слова» [Погодин 2011, с. 186.].

Кроме «Московского журнала» важными источниками, характеризующими развитие «нового слога» в 90-е годы XVIII в., являются сменивший «Московский журнал» альманах «Аглая», в котором публиковалось продолжение «Писем русского путешественника».

Титульные листы издававшихся Карамзиным «Московского журнала» (первая часть, Москва, в Университетской типографии у В.Острокова, 1791) (слева) и альманаха «Аглая» (первая книга, второе издание, Москва, в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1796) (справа).

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

Карамзин открывал новые семантические оттенки в старых, часто книжно-славянских, словах («потребность», «развитие» и т.д.), широко применял лексические и фразеологические кальки с французского языка. Например, «расположение», «положение», «не в своей тарелке», «быть на иголках», и другие. Новые понятия и представления получили обозначения в новых словосочетаниях. Им были созданы и введены в обиход новые слова: «промышленность», «общественность», «общеполезный», «человечный», и др.

Одновременно с этим Н.М. Карамзин вёл борьбу с употреблением устаревших церковнославянизмов, слов и оборотов старой книжности. Он отказывается от таких слов, как «такое», «также», «любление», «усугубить» (в значении «удвоить»), «возмогать», «смеяние», «испроверженный», «предприятъ», «скоропреходный», «надливаться», и т.п. При этом Карамзиным были отвергнуты и некоторые заимствования петровской эпохи, например, «аттенция» (внимание), «инвитація» (приглашение), «мерит» (достоинство), «офрировать» (предложить).

Борьба с архаизмами — несомненная заслуга Н.М. Карамзина и его последователей, давшая глубокие и положительные последствия для дальнейшего развития русского литературного языка. Писатель усовершенствовал и синтаксис. Исключение архаических союзов и частиц обновило синтаксический строй, укрепилось присоединительное сочетание причастия или имени прилагательного с относительным придаточным предложением.

Обычно отмечают следующие главные черты преобразований Карамзина:

1. Отрыв от старой книжно-славянской традиции, ориентация на разговорный язык, образование языка, единого для книг и для разговоров, чтобы «писать, как говорят, и говорить, как пишут»;
2. Отбор в области лексико-фразеологических средств, направленный на устранение из литературного языка того словарного материала, который не соответствовал критерию «вкуса». Устранению подвергались архаические славянизмы, просторечные и, особенно, «простонародные» элементы;
3. Усовершенствование синтаксиса;
4. Обогащение словарного состава литературного языка новыми заимствованными словами, кальками (лексическими и семантическими) и неологизмами.

В.Г. Белинский писал о Н.М. Карамзине:

«Заслуги, оказанные русскому языку Карамзиным, огромны, — чему лучшим доказательством служит то, что только с легкой руки Карамзина русский язык получил свойство быстрой усовершенваемости» [Белинский 1955.а, с. 253].

«Карамзин имел огромное влияние на русскую литературу. Он преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славящины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи. Своим журналом, своими статьями о разных предметах и повестями он распространял в русском обществе познания, образованность, вкус и охоту к чтению. При нем и вследствие его влияния тяжелый педантизм и школярство сменялись сантиментальностью и светскою легкостью, в которых много было странного, но которые были важным шагом вперед для литературы и общества» [Белинский 1955.б, с. 122].

За те почти два века, что отделяют нас от времени создания «Писем русского путешественника», оценки произведений Н.М. Карамзина не раз менялись самым решительным образом. Так, в 1866 г. Ф.И. Буслаев видел в «Письмах русского путешественника» «необычайную цивилизующую силу», «зеркало, в котором отразилась вся европейская цивилизация» [Буслаев 1959, с. 328].

В лингвистическом аспекте стремление Карамзина проявляется в организации русского литературного языка в таком же отношении к разговорной речи, какое имело место в западноевропейских странах. Иными словами, дело идет о стремлении перенести на русскую почву западноевропейскую языковую и литературную ситуацию, непосредственным образцом при этом служит французский язык. Отсюда следует установка на разговорную речь, т.е. на естественное употребление, а не на искусственные книжные нормы.

Согласно Карамзину, в идеале разговорная речь и литературный язык должны слиться, но основная роль при этом принадлежит именно разговорной стихии как естественному началу в языке. Такой подход вовсе не исключает создания неологизмов, которые необходимы для выражения тех или иных понятий, заимствуемых из западных языков. Так, в письме к естествоиспытателю Шарлю Бонне от 22 января 1790 г., помещённом в «Письмах русского путешественника», писатель отмечает:

«Надобно будет составлять или выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем; но отдавая всю справедливость сему последнему, которого богатство и сила мне известны, скажу, что наш язык сам по себе гораздо приятнее» [Карамзин 1964.г, с. 306].

Н.М. Карамзин считал нужным: а) писать недлинными, неутомительными предложениями; б) располагать слова соответственно течению мыслей и с особыми законами языка.

**Иоакимиди Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

В отношении к лексическому составу литературного языка Н.М. Карамзина замечаются следующие установки:

- 1) ограничение славянизмов, редкое заимствование из церковно-славянского языка слов и форм;
- 2) введение иностранных слов для новых понятий;
- 3) сообщение прежним словам нового значения. Например, потребность, развитие, образ в применении к поэзии, он же первый употребляет во множественном числе слово вкус;
- 4) составление новых слов. Например, промышленность (к тому времени уже существовали слова промысел, промышлять, промышленный, промышленник), общественность, всеместный, всетворящий, живодетельный (животворный); он также предлагал называть тротуары по-русски намостами — это, как и некоторые другие слова, введенные Карамзиным (младенчественный, настоящность, и др.), не прижились в русском языке.

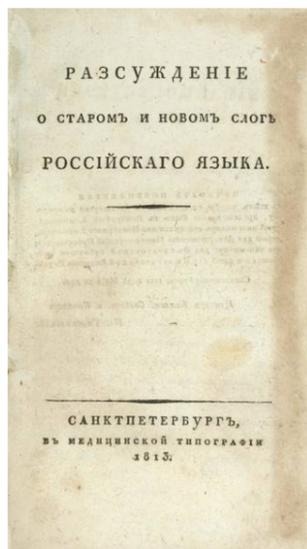
Языковая программа Карамзина и его последователей предполагала принципиальную установку на *узус*³, а не на

³ Узус — общепринятое носителями данного языка употребление языковых единиц (слов, устойчивых оборотов, форм, конструкций).

стабильную норму. При этом необходимо подчеркнуть: то, что самими карамзинистами мыслилось как сближение литературного языка с разговорной речью, с языком общества, — их противниками понималось как отказ от национальной литературной традиции. Так, для А.С. Шишкова⁴ язык общества вообще «не имел никакого отношения к языку литературы.

⁴ Александр Семёнович Шишков (1754 — 1841) — адмирал и генерал-адъютант, министр народного просвещения; Государственный секретарь, член Государственного совета и Морского ученого комитета, писатель, филолог и литературовед; Президент литературной Академии Российской. Один из ведущих идеологов России во время Отечественной войны 1812 года.

Сама постановка вопроса об их взаимовлияниях лишена была для него смысла» [Левин 1962, с. 187]. Первым и важнейшим недостатком «нового слога», в глазах А.С. Шишкова, было исключение из него церковно-славянских слов и оборотов. В целом, такой же подход к данному вопросу был присущ и другим «архаистам» [Лотман, Успенский 1984, с. 585].

Слева — Александр Семёнович Шишков (1754—1841). Портрет работы Дж. Доу. 1820-е гг. Фрагмент.

Справа — титульный лист второго издания «Разсуждения о старом и новом слоге русского языка» А.С. Шишова (С.-Петербург, в Медицинской типографии, 1813).

Карамзин дал мощный импульс лексическому развитию языка. Он был недоволен тем литературным языком, который застал на заре своей литературной деятельности, — Николай Михайлович хотел писать так же «приятно», как и лучшие иностранные авторы, но для этого принял за образец не французский или английский синтаксис, а русский разговорный язык, развивая его и обогащая по возможности из собственных его начал, вместе с тем, в случае надобности заимствуя из других языков отдельные слова.

Творчество Карамзина и поэтов «карамзинского направления» определило нормы и особенности поэтической речи первых десятилетий XIX в., и в этом отношении его роль и значение в развитии русского литературного языка и языка русской литературы трудно переоценить.

«Н.М. Карамзин разработывал тот условный поэтический язык, значение которого для развития русской литературы было огромно, — писал Н.И. Мордовченко. — Именно карамзинский поэтический язык стал достоянием школы Жуковского и Батюшкова и дошёл до пушкинских времён» [Мордовченко 1959, с. 42].

Заимствованная лексика в текстах Н.М. Карамзина

Один из путей развития словарного состава языка — заимствование иноязычных слов для обозначения новых понятий. Проникновение иноязычных слов — неотъемлемый процесс, явление вполне закономерное, так как экономические, политические и культурные связи между народами различных стран рождают взаимный обмен новыми понятиями, зна-

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

комьят с новыми идеями, с новыми предметами быта и культуры. Одним из важных способов обогащения любого языка являются заимствования.

Заимствования различаются: по времени — древнейшие (греко-латинские) и новейшие; по внутреннему характеру — одни слова заимствуются при устном общении, а другие связаны с переводной литературой. Одни заимствования переходят непосредственно из одного языка в другой, а другие — только пройдя большой путь, через тот или иной язык-посредник. Заимствования различны по своей дальнейшей судьбе: одни меняют свой внешний облик, другие сохраняют.

В лексике современного русского языка присутствует сравнительно большое количество слов иноязычного происхождения, в разное время вошедших в русскую лексическую систему из других языков. Проникновение иноязычных слов в русский язык было обусловлено определёнными социально-историческими факторами, связанными с развитием экономики, науки и культуры, с расширением международных связей, развитием и укреплением русской государственности, и т.д. В большинстве случаев заимствование слов из других языков было связано с появлением новых понятий в области быта, военного дела, мореплавания, торговли, науки и техники, и пр.

По времени проникновения в русский язык иноязычной лексики различают ранние заимствования из тюркских, скандинавских и финских языков, а также ранние заимствования из греческого языка, и более поздние заимствования, относящиеся к XVII—XX вв., также из греческого, латинского и западноевропейских языков. Словари иностранных слов начала XX века включают 20—25 тысяч единиц. Их избыточность и коммуникативная нецелесообразность в речи снижают эффективность общения, не способствуют адекватному речевому поведению и, как и в предшествующие времена, вызывают общественное неодобрение.

Следует остановиться подробнее на том, из каких языков пришло большое количество заимствований в русский язык.

Заимствования из **тюркских** языков в основном сделаны устным путем в период татаро-монгольского ига (XIII—XV вв.). Главным образом тюркизмы представляют собой названия предметов одежды, домашнего обихода, кушаний, и т.п. Образцами таких заимствований могут служить слова: амбар, алмаз, алый, башка, барабан, богатырь, деньги, жемчуг, кабан, караул, карман, кафтан, кирпич, кочевать, кулак, лошадь, сарафан, слон, сундук, товар, товарищ, тьма, ура, хозяин, чемодан, штаны и т.д.

Ранние и поздние **грецизмы** проникали в русский язык с византийской книжностью, ставшей доступной в результате крещения Руси, с церковными и дипломатическими представительствами (так, после женитьбы Ивана III на греческой царевне Софье Палеолог на Русь прибыло большое греческое посольство, из состава которого формировался первый дипломатический корпус Русского государства после окончания владычества Орды — см. [*История внешней политики России... 1999*]), а также при помощи языков-посредников, роль которых играли западноевропейские языки. Слова греческого происхождения касались религиозно-церковного обихода, науки, искусства, политики, — но также и повседневной жизни, например: алфавит, ангел, талант, кровать, тетрадь, фонарь, кукла; Евангелие, икона, монастырь, монах, грамматика, география, геометрия, история, логика, математика, физика, философия, этимология; анализ, гипотеза, космос, метафора, синтез, графика, драма, комедия, лирика, мелодия, ода, поэзия, поэма, поэт, пролог, строфа, трагедия, эпилог, эпос, демократия, педагогика, политика, эпоха. Из греческого языка пришли многие христианские имена: Александр, Анастасия, Алексей, Анатолий, Андрей, Василий, Галина, Денис, Дмитрий, Елена, Ирина, Никита, Николай, Петр, Софья, Федор, Филипп и др.

Заимствования из **латинского** языка осуществлявшиеся преимущественно посредством польского и западноевропейских языков (XVI—XVII вв.). Они были связаны с областью науки и культуры, общественно-политическими отношениями и т.д., напр.: администрация, лекция, республика, доктор, ассоциация, бюрократия, демонстрация, интеллектуальный, классификация, коммунизм, культура, мораль, нация, популярный, пресса, пролетариат, реформа, специалист, цивилизация, традиция, филиал, литература, милиция, прогресс, процесс, рецензия и др.

Слова **немецкого** происхождения стали проникать в русский язык в начале XVIII в. Они обозначали различные понятия из области военного дела, администрации, промышленности и ремесла, домашнего обихода и т.д., напр.: бант, блок, кастрюля, кран, слесарь, кассир, шахта, диктат, приоритет, агрессор, дискриминация, дезориентировать, лозунг, шрифт, шаблон, бинт, бухгалтер, солдат, курорт, кухня, бутерброд, шнур, фартук, шляпа, штурм, лагерь, форт масштаб, вата, танец, штрих и др.

С конца XVIII в. в русский язык начали входить слова из **французского** языка (галлицизмы), касавшиеся искусства, общественных отношений, военного дела, повседневного быта и т.д., например, абажур, батальон, бульвар, вуаль, гарнизон, дуэль, жюри, каламбур, комфорт, одеколон, пальто, ресторан, рояль, сержант, тротуар, шедевр и др.

В XIX в. и в начале XXI в. проникают в русский язык многие **английские** слова, связанные с общественными отношениями, техникой, спортом, бытом, например, бизнес, бизнесмен, бестселлер, дилер, маркетинг, бокс, футбол, хоккей, вагон, вокзал, менеджер, менеджмент, стартап, офис, пиар, гейм, гол, допинг, тост, чек и др.

Иноязычные слова, проникая в русский язык, испытывали на себе влияние его законов и постепенно «включались» в русскую языковую систему: начали передаваться фонетическими и графическими средствами русского языка, соотносились с его классическими классами и категориями и занимали определённое место в сематической системе русского языка.

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

Как можно видеть из сказанного выше, в истории русского языка сменялись различные периоды заимствования. Одной из первых значительных эпох в истории заимствований в русском языке стала Петровская эпоха, когда Россия «открылась» западу и громадный поток нового содержания, новых понятий принёс с собой целый словарь из французского, голландского, немецкого, итальянского, польского и других языков. Они представляли собой пёструю картину русского лексикона того времени, что было связано с изменениями в экономической, административной, культурной, нравственной и других сферах жизни. Около 3000 единиц составили словарь иноязычных слов того времени. На Петровскую эпоху и последующее десятилетие (1730-е гг.) приходится 52% всех лексических заимствований XVIII в., на вторую треть XVIII в. (1740-е—1760-е гг.) — 27%, и на последнюю треть того же столетия — 21%. Процесс заимствования готовых лексических единиц, несмотря на некоторое замедление (по сравнению с Петровской эпохой), наблюдался и в карамзинский период. В Петровскую эпоху, как и в последующие времена, иностранные слова в русской речи употреблялись без меры, без смысла и без нужды. Сам Пётр Великий указывал на коммуникативные помехи, создаваемые обилием иноязычной лексики.

Иноязычные слова в русском языке издавна были предметом пристального внимания и обсуждения учёных, общественных деятелей, писателей, любителей русского языка. Устремлённость носителей русского языка не к родному, а к иноплеменному отмечали многие деятели русской культуры XVIII—XIX вв. Протест против «языкового чужебесия» высказывали М.В. Ломоносов и Н.И. Новиков, за коренное русское слово выступали И.А. Крылов, А.С. Грибоедов, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев. Таким образом, в русском языке происходило, с одной стороны, перенасыщение речи иностранными словами, с другой, — отрицание их, стремление употребить только исконное слово.

Заметим, что процесс заимствования нормален; он естествен и необходим для развития любого языка. Разумеется, не всякое заимствование из чужого языка обогащает родной язык. Избыточное, массовое употребление иноязычных слов представляет собой отрицательное явление, засоряет язык, затрудняет общение и понимание.

Как бы то ни было, несмотря на ту или иную реакцию общества, одна часть заимствованных слов всё же входит в язык, а другая решительно отторгается. Язык всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества.

Н.М. Карамзин стремился во всех литературных жанрах сблизить письменный язык с живой разговорной речью образованного общества. Считая русский разговорный язык недостаточно обработанным, Карамзин надеялся усилить его художественно-выразительные средства с помощью западноевропейской культуры литературного слова. С этой целью он призывал писателей к заимствованию иностранных слов и оборотов, а также к образованию соответствующих русских слов — для выражения новых идей.

Карамзин и его последователи защищали необходимость умеренного заимствования иноязычных слов.

«Некоторые чужестранные слова совершенно необходимы, лишь только не должно пестрить языка без крайней осторожности», — писал литературный критик П.И. Макаров (1765—1804) [Макаров 1803, с. 165—166].

Академик Я.К. Грот отмечал умеренный пуризм⁵ карамзинистов:

⁵ Пуризм — стремление к очищению литературного языка от иноязычных заимствований, неологизмов, а также проникновения в литературный язык ненормированных лексических и грамматических элементов (народно-разговорных, просторечных, диалектных и т.д.).

«Карамзин и лучшие из его последователей, не изгоняя вполне иностранных слов, вводя даже вновь такие, которые казались им необходимыми, старались... избегать варваризмов и по возможности заменять их русскими» [Грот 1899, с. 49].

Против карамзинистов выступали приверженцы крайнего пуризма во главе с А.С. Шишковым, считавшим, что заимствования уродуют русский язык, так как лишают его самобытности и образности. Он возражал против употребления таких иноязычных слов, как катастрофа, энтузиазм, сцена, моральный, талия, публика, фасад, интересный, героизм и других. А.С. Шишков полагал, что всем этим словам можно найти аналоги в русском языке:

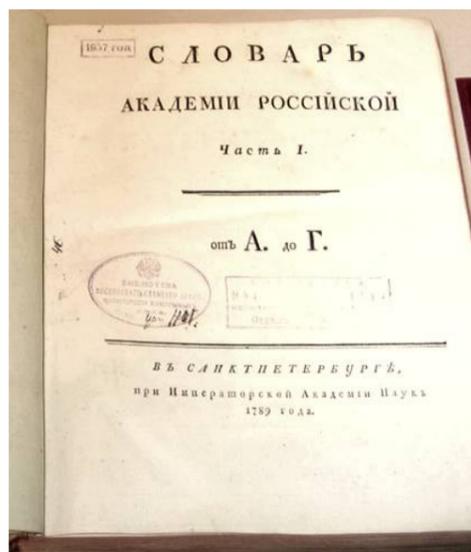
«Вольно нам пренебрегать словом гонец, и вместе него говорить курьер. Вольно нам книгохранильницу называть библиотекою, бойницу батарею, бойца или единоборца гладиатором, писателя автором, поверье модою» [Шишков 1817, с. 266].

Президент литературной Академии предлагал вместо слова «навигация» употреблять «мореплавание»; вместо «перпендикуляр» — «отвес»; вместо «астрономия» — «звездочётство»; вместо «геометрия» — землемерие; вместо «физика» — «естествослобие», вместо «фортепьяно» он предлагал употреблять кальку с итальянского — «тихогромы». Классическим стал пример неправильного, с точки зрения адмирала, «Франт идёт по бульвару из театра», которое, по его мнению, следовало заменить на «Хорошилище грядёт по гульбищу из ристалища».

Если Н.М. Карамзин и его сторонники допускали возможность и даже желательность употребления в разумных пределах иноязычной лексики, то А.С. Шишков и его последователи выступали категорически против любого иностранного слова только потому, что оно иностранное. До конца XVIII в. пуризм оставался господствующим направлением в россий-

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

ской словесности. Об этом свидетельствует характер отражения иноязычной лексики в первом толковом и нормативном словаре, положившем начало русской научной лексикографии, — в Словаре Академии Российской, издававшемся в 1789—1794 гг. В Словарь, в составлении которого принимали участие такие виднейшие ученые и писатели XVIII в., как Е.Р. Дашкова, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, И.Н. Болтин, И.И. Лепёхин, С.Я. Румовский, не были внесены многие заимствования, широко распространённые в языке XVIII в. Многие европейзмы — такие, как акт, балет, батарея, декорация, кулиса, обшлаг, регулярно, туалет, фасад, фрак, шампанское и др. [Словарь Академии Российской 1794, с. 539] — не были включены в словарь его составителями вполне сознательно.

Титульный лист первой части Словаря Академии Российской (С.-Петербург, типография Академии наук, 1789).

Составители Словаря Академии Российской, слева направо: Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810, государственный деятель, мемуарист, литератор; директор Петербургской Академии наук, первый председатель Императорской Российской академии, имевшей одной из главных целей исследование русского языка); Денис Иванович Фонвизин (Фон-Визин, 1745—1792, драматург, переводчик, публицист, государственный деятель); Гавриил Романович Державин (1743—1816, поэт, государственный деятель); Иван Никитич Болтин (1735—1792, историк, источниковед, государственный деятель); Иван Иванович Лепёхин (1740—1802, учёный-энциклопедист, путешественник, естествоиспытатель, лексикограф, академик Петербургской академии наук (1771)); Степан Яковлевич Румовский (1734—1812, астроном и математик, один из первых русских академиков (1767), иностранный член Стокгольмской Академии наук)

Разумеется, чрезмерное и неуместное употребление иностранных слов и оборотов только засоряет речь и затрудняет её понимание. Поэтому совершенно не случайно участвовавший в составлении упомянутого словаря Д.И. Фонвизин в комедии «Бригадир» осудил и высмеял засорение русского языка галлицизмами, а впоследствии А.С. Грибоедов в «Горе от ума» вполне справедливо заклеил это явление как «смешенье языков: французского с нижегородским». Однако беда приверженцев крайнего пуризма состояла в том, что они совершенно упускали из виду, что бороться надо не с самими заимствованиями, а со злоупотреблением ими и с неуместным их применением. В целом, крайний пуризм вреден в языковой политике (как и любая крайность); к тому же он не имеет будущего, поскольку контакты между народами неизбежно ведут к взаимодействию между их языками, и, в конечном счёте, усилия крайних пуристов оказываются совершенно напрасными. Эволюция языка не зависит от воли одного или нескольких человек, — это объективный процесс.

Литературным образцом и примером активного использования Н.М. Карамзиным иноязычных слов является произведение «Письма русского путешественника».

Тематические группы, которые наиболее активно пополнялись иноязычными словами, были очень разнообразны, но особенно выделяются среди них следующие: экономика, административно-канцелярское дело, образование, гуманитарные науки и естествознание, издательское дело.

Из общих **терминов искусства** можно указать такие, например, как «группа» (термин живописи и скульптуры), «терраса» (термин архитектуры и садово-паркового искусства):

«М*** с восхищением говорил нам о "Лаокооне"; я видел эту группу, один из прекраснейших памятников греческого художества и, по мнению некоторых, произведение Фидиасова⁶ резца» [Карамзин 1964.г, с. 200].

⁶ В данном случае «Фидиасов резец» ни при чём: скульптурная группа «Лаокоон и его сыновья» создана не Фидием, а родосскими ваятелями Агесандром, Полидором и Афинодором во второй половине I в. до н.э.

«Вошедши в сад, не знаете, чем любоваться: густотою ли древних аллей или приятностию высоких террас, которые на обеих сторонах простираются во всю длину сада, или красотою бассейнов, цветников, ваз, групп и статуй» [Карамзин 1964.г, с. 372].

«С одной стороны — река Сена, а перед главною фасадю — Тюльерийский сад с высокими своими террасами, цветниками, бассейнами, группами и (что всего лучше) древними густыми аллеями, сквозь которые вдали видна, на обширной площади, статуя Лудовика XV» [Карамзин 1964.г, с. 407].

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

«Партеры, цветники, пруды, фонтаны, бассейны, лесочки и между ими бесчисленное множество статуй, групп, ваз, одна другой лучше, не привлекают, а развлекают внимание, так что вы не знаете, на что смотреть» [Карамзин 1964.г, с. 474].

«Впереди прекрасная железная решетка, а по концам две группы, которые изображают победы Франции над Гишпаниею и Немецкою империею» [Карамзин 1964.г, с. 470].

В числе **терминов живописи**, появившихся в 1780-е—1790-е гг., можно назвать такие, как «эскиз», «арабеск», «мозаика».

«Оттуда вход в большую ротонду, украшенную стеклами, барельефами, арабесками и разными аллегорическими фигурами. К зале примыкают два кабинета: баня и будуар, где все нежно и сладострастно» [Карамзин 1964.г, с. 482].

«Может быть и другие найдут нечто приятное в моих эскизах» [Карамзин 1964.г, с. 601].

В ткань текста Карамзин вводит и **термины архитектуры**: ваза, барельеф, павильон, мавзолей, аркада, галерея, готический, каскад, терраса, фасад, и др.

«От них пошел я в славную картинную галерею, которая почитается одною из первых в Европе» [Карамзин 1964.г, с. 145].

«Надзиратель сказывал, что за несколько недель перед тем украли из галереи картин десять, и притом самых лучших; но что, к счастью, воров скоро отыскали, и картины возвратились на прежнее свое место» [Карамзин 1964.г, с. 149].

«Из библиотеки прошел я на славную террасу, или гульбище, подле кафедральной церкви...» [Карамзин 1964.г, с. 250].

«Исчислять колонны, статуи, вазы, трофеи не есть описывать» [Карамзин 1964.г, с. 474].

«Архитектура дворца отчасти готическая, но величественна» [Карамзин 1964.г, с. 589].

Новые музыкальные термины: гитарист, кларнетист, оркестр, дирижёр, пианист, солист, контральт, баритон.

«Вообразите бесконечные аллеи, целые леса, ярко освещенные огнями; галереи, колоннады, павильоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великих людей; среди густой зелени триумфальные пылающие арки, под которыми гремит оркестр; везде множество людей, везде столы для пиршества, убранные цветами и зеленью. ... Оркестр играет по большей части любимые народные песни, поют актеры и актрисы лондонских театров, а слушатели, в знак удовольствия, часто бросают им деньги» [Карамзин 1964.г, с. 557].

Большую группу составляют **слова из театрального быта**: антрепенёр, антресоль, аплодировать, арена, ариозо, афиша, акт, антракт, актер, амфитеатр, ария, акробат, балет, бинокль, бис, будуар, буффонство, бутафор, водевиль, вальс, декламация, декламировать, драматургия, дирижировать, концерт, контрданс, каламбур, кокетка, костюм, контраст, колорит, ложа, мораль, монолог, пантомима, партер, плафон, партнер, роль, сцена, суфлер, сюжет, трагик, труппа, туалет, фрак, этюд и др.

«Театр, балы, маскарады, клубы, великолепные обеды и ужины! Вы здесь неизвестны» [Карамзин 1964.г, с. 238].

«Лишь только опустили занавес, со всех сторон высыпали на сцену актеры и актрисы в неглиже, танцовщики и танцовщицы, и проч. и проч.» [Карамзин 1964.г, с. 339].

«На сцене только разговаривают, а не действуют, по обыкновению французских трагиков; речи предлинны и наполнены обветшалыми сентенциями; один актер говорит без умолку, а другие зевают от праздности и скуки. Одна сцена тронула меня — та, где сонм фанатиков упадает на колени и благословляется злым прелатом, где при звуке мечей клянутся они истребить еретиков» [Карамзин 1964.г, с. 353].

«В ротонде сделали в два ряда ложи, где женщины и мужчины садятся отдохнуть, пить чай и смотреть на множество людей, которые вертятся в зале» [Карамзин 1964.г, с. 565].

В карамзинский период в России активно развивается **наука**: математика, астрономия, и т.д. Это развитие сопровождается заимствованиями новых терминов; например, таких, как статистика, эстетика, и т.д.

«Эстетика есть наука вкуса. Она трактует о чувственном познании вообще» [Карамзин 1964.г, с. 160].

**Иоакимиди Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

Развивается отечественная филология, появляются такие слова, как каданс (ритм в стихе), кармины (стихи), куплет, литератор, памфлет, пьеса, станс, филиппика, элегия, эпитафия, эпопея, этюд и др.

Сильнейшее влияние Запада наблюдается в 1780-е—1790-е гг. в **сфере быта**. Появляются новые **названия тканей**: батист; одежды: галоша, жилет, пальто, фрак, шаль; **предметов личного пользования**: вуаль, душ, гамак, абажур, бассейн, мебель, портмоне, табурет; **украшений**: букет, браслет; экипажей: экипаж, кабриолет, дилижанс; **предметов убранства жилого помещения**: абажур, жалюзи и шпингалеты, комод, туалет, канале, софа, люстра.

«Прежде более всего отличались тут славные жрицы Венерины; они выезжали в самых лучших экипажах» [Карамзин 1964.г, с. 385].

«Хозяйка сидела на вольтеровских креслах; вокруг ее пять или шесть кавалеров вели шумный разговор; на софе два аббата занимали своею любезностию трех дам; по углам комнаты было еще рассеяно несколько групп, так что общество состояло из 25 или 30 человек» [Карамзин 1964.г, с. 463].

«Везде трактиры, и у всякого трактира стоят оседланные лошади и кабриолеты — одним словом, дорога от Дувра до Лондона подобна большой улице многолюдного города» [Карамзин 1964.г, с. 517].

«Маленькие ножки, выставясь из-под кисейной юбки, едва касаются до камней тротуара; на белом корсете развевается ост-индская шаль; и на шаль из-под шляпки падают светлые локоны» [Карамзин 1964.г, с. 524].

Заимствованная лексика коснулась **кулинарного и кондитерского дела**, что отразилось в появлении таких названий, как десерт, сосиски, бифштекс, бланманже, вермишель, мармелад, маринад, пудинг.

«Надев чистый простой фрак, бродить по городу, зайти в «Пале-Рояль», в Тюльери, в Елисейские поля, к известному писателю, к художнику, в лавки, где продаются эстампы и картины, — к Дидоту, любоваться его прекрасными изданиями классических авторов, обедать у ресторатора, где подадут вам за рубль пять или шесть хорошо приготовленных блюд с десертом; ...» [Карамзин 1964.г, с. 405].

«Обедаю иногда в кофейных домах, где за кусок говядины, пудинга и сыру берут также рубли два» [Карамзин 1964.г, с. 530].

Сад Тюльери.
Рисунок Г.Ж. де Сент-Обена. 1760

Версаль.
Гравюра неизвестного автора. Ок. 1790 г.

Из новых вин и напитков известны: баваруаз, бишоф, глинтвейн, грог, джин, кларет.

«Теперь не могу вам сказать ничего примечания достойного, кроме того, что в местечке Лупове, где мы обедали, есть прекрасные форели и прекрасный бишоф» [Карамзин 1964.г, с. 113].

«Человек, изрядно одетый, который сидит в Café de Chartres за чашкою баваруаза, говорит не умолкая...» [Карамзин 1964.г, с. 450].

«Мы сами выбрали себе павильон, велели подать цыпленка, анчоусов, сыру, масла, бутылку кларету и заплатили рублией шесть» [Карамзин 1964.г, с. 558].

В XVIII в. в повседневную жизнь русского дворянства вошли новые танцы и игры. Соответственно, и русский язык обогатился новыми словами, их обозначающими: вальс, контрданс (танцы); берлан⁷, бильбоке, лото, рулетка (игры).

⁷ Берлан, или брелан — азартная карточная игра, а также серия из трёх одинаковых карт в этой игре (три туза, три короля и т.п.). Разновидностью этой игры является бульот (bouillotte).

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

Углубляется знакомство с жизнью стран Западной Европы, и в русский язык входят **слова, обозначающие западноевропейские реалии:**

Дилижанс:

«Ныне в шесть часов вечера приехал я в Маинц в дилижансе, или в почтовой карете, в которой поеду до самого Стразбурга» [Карамзин 1964.г, с. 197].

«Отель есть наемный дом, где вы, кроме комнаты и услуги, ничего не имеете. Кофе и чай приносят вам из ближайшего кофейного дома, а обед — из трактира» [Карамзин 1964.г, с. 404].

Тротуар:

«Везде тротуары, или камнем выстланные дорожки для пешех...» [Карамзин 1964.г, с. 515].

«Нет другого города столь приятного для пешеходцев, как Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие тротуары, которые по-русски можно назвать намостами; их всякое утро моют служанки (каждая перед своим домом), так что и в грязь, и в пыль у вас ноги чисты» [Карамзин 1964.г, с. 528].

Иллюстрация из немецкого издания «Писем русского путешественника»

Берлин конца XVIII в.
Раскрашенная гравюра И.Г. Розенберга.
1780-е гг.

Портленд Плейс (одна из центральных улиц Лондона)
в конце XVIII в. Акварель, ок. 1796 г.

Н.М. Карамзин вводит в литературный русский язык ряд и других заимствований, таких как паркет, партер, пансионер, карикатура и т.д.

«Паркет, ложи, партер — все в один голос закричали...» [Карамзин 1964.г, с. 342].

«Партеры, цветники, пруды, фонтаны, бассейны, лесочки и между ими бесчисленное множество статуй, групп, ваз, одна другой лучше, не привлекают, а развлекают внимание, так что вы не знаете, на что смотреть» [Карамзин 1964.г, с. 474].

«Комедии их держатся запутанными интригами и карикатурами; в них мало истинного остроумия, а много буфонства, здесь Талия не смеется, а хохочет» [Карамзин 1964.г, с. 574].

Для Н.М. Карамзина характерно использование различных способов ввода иноязычных слов в литературное употребление. Это, прежде всего, традиционные пояснения разного рода на полях, в сносках, в строке текста, текстовые описания вещей и определения понятий.

«Приехал я в Маинц в дилижансе, или в почтовой карете» [Карамзин 1964.г, с. 197].

«Подите городом прямо, в которую сторону вам угодно, и вы очутитесь наконец в тени густых аллей, называемых булеварми; их три: одна для карет, а две для пешеходцев; они идут рядом и образуют магическое кольцо, или самую прекраснейшую опушку вокруг всего Парижа» [Карамзин 1964.г, с. 374].

«Он выбирает из Шекспира самое фантастическое или мечтательное...» [Карамзин 1964.г, с. 541].

«Загляните ввечеру в подземельные таверны или в питейные дома» [Карамзин 1964.г, с. 576].

Благодаря Н.М. Карамзину в русский язык вошли многочисленные термины из области искусства, живописи, архитектуры, музыки, из театрального обихода, из кулинарии и кондитерского дела, научные термины, слова повседневного

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

обихода, называющие предметы и явления быта (бытовая лексика). Отдельную группу составили слова, обозначающие западноевропейские реалии. Причём, по сравнению с предшествующим временем, изменился сам состав заимствований с точки зрения его лексико-тематической характеристики. Это было связано с углублением процесса европеизации жизни русского общества, как в социально-экономической, культурной, научной сферах, так и в бытовой, что и определило состав заимствований Н.М. Карамзина.

В русский язык закономерно и прочно вошли слова, заимствованные Карамзиным из самых разных языков: из латинского, греческого, итальянского, немецкого, английского, польского и др. В силу целого ряда объективных причин основным источником заимствований оказался **французский** язык. Оттуда пришли в русский язык такие слова, как абажур, бульвар, вуаль, гарнизон, дуэль, жюри, каламбур, комфорт, пальто, ресторан, рояль, тротуар, шедевр, амфитеатр, аркада, мавзолей, ваза, ложа, статуи, пансион, миллион, бульон, батальон, медальон, павильон, сцена, галерея, ванна, афиша, портрет и др. Создавая свой стиль, писатель обильно использовал французские конструкции фраз, французскую семантику, причём делал он это сознательно.

Чтобы можно было определить, из какого именно языка заимствованы те или иные слова, необходимо знать характерные особенности иноязычных слов различного происхождения. В качестве примера рассмотрим слова французского происхождения, которые использовал Н.М. Карамзин в своих произведениях. Как правило, слова французского происхождения имеют:

1. ударение на последнем слоге (портфель, визит, резерв, капрал)
2. конечные ударные гласные: **э, у, и, о** (фойе, рагу, кенгуру, эскимо)
3. корневой **-у/ю** (сюжет, брошюра, жюри)
4. конечное **-ор/ёр** (сапёр, монтёр, дирижёр)
5. конечное **-ион** (пансион, миллион, бульон, батальон, медальон)
6. конечное **-уар** (тротуар, будуар, мемуары)
7. конечное **-ют⁸** или **-ент** (салют, дебют, парашют, патент, документ, момент)

⁸ Очевидным исключением здесь является слово «приют», где конечное -ют является корнем (однокоренное слово — ютиться).

8. конечное **-иль** или **-аль** (водевиль, кадрили, вуаль, рояль)
9. конечное **-ан** (ресторан, интриган)

Заслуживает внимания история введения Карамзиным в русский язык некоторых заимствованных слов.

Так, слово «декламация» встречается впервые в «Письмах русского путешественника». Оно заимствовано из латинского языка и переоформлено на русской почве по типу слов с суффиксацией:

«Одни восклицания, одна декламация, и более ничего!» [Карамзин 1964.г, с. 243].

От существительного «декламация» Н.М. Карамзин произвёл глагол «декламировать», который впервые был указан в 1803 г. в «Новом словотолкователе» писателя и переводчика Н.М. Яновского (1764—1826). Согласно Н.М. Яновскому, декламировать — значит

«говорить, читать речь громко, чисто и приятно голосом оратора, сопровождая оную приличными телодвижениями» [Яновский 1803, с. 347].

Слово драматургия заимствовано **из французского языка**. Оно является сложно суффиксальным образованием от древнегреческих δράμα («драма» — деяние, действие, сценическое представление) и ἐργον («эргон» — труд, работа⁹).

⁹ Отсюда происходит и слово эрг — название единицы работы и энергии в системе единиц СГС.

Впервые его употребил Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» в смысле «сочинение или постановка драматических произведений»:

«Потом вошли в моду попугаи и экономисты, академические интриги и энциклопедисты, каланбуры [так у Карамзина — Е.И.] и магнетизм, химия и драматургия, метафизика и политика» [Карамзин 1964.г, с. 379].

Слово контрданс происходит от английского country dance (буквально — сельский танец), обозначавшего живой и подвижный английский народный танец массовых празднеств и гуляний, возникший в XVII в.; позднее — групповой бальный танец установленной композиции, послуживший, в свою очередь, основой для возникновения кадрили. Слово контрданс заимствовано **из французского языка** в начале XVIII в. (оно зафиксировано в 1734 г.). Н.М. Карамзин упо-

**Иоакеимида Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

требляет его в «Письмах русского путешественника»:

«В самую ту минуту, когда ты, беспечная мать, прыгаешь в контрдансе, маленькая дочь твоя падает, может быть, из рук неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сделаться уродом...» [Карамзин 1964.г, с. 569].

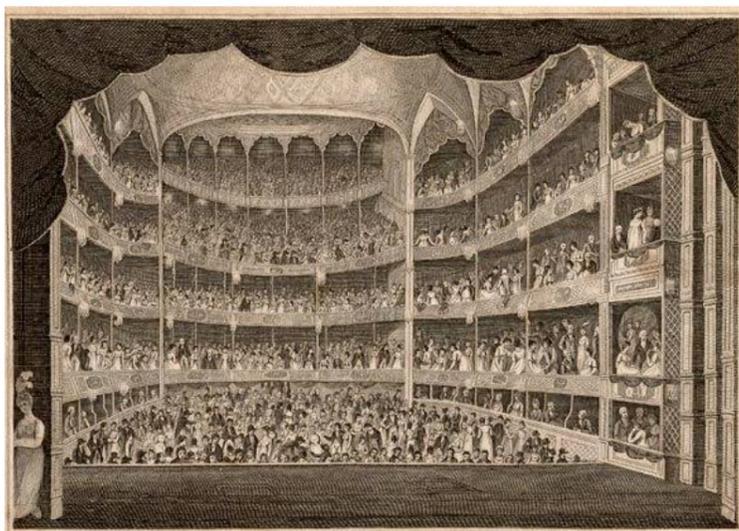
Контрданс. Гравюра Т. Роулэндса. 1790.

Слово аплодировать **из французского языка** заимствовано в конце XVIII в. Французское слово восходит к латинскому *applausus, plaudere*. Слово аплодировать значит рукоплескать, выражать рукоплесканиями одобрение при различного рода зрелищах и представлениях, даваемых на сценах и аренах. У Карамзина в «Письмах русского путешественника» находим:

«Незнакомка сказала мне: "Божественная музыка! А вы, кажется, не аплодировали?"» [Карамзин 1964.г, с. 436].

Существительное ложа также заимствованно **из французского языка** в XVIII в. Как обозначение части зрительного зала для нескольких лиц, отделённой от остального зала, впервые употреблено Н.М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника»:

«Ложи, паркет, раек — все было наполнено людьми» [Карамзин 1964.г, с. 338].

Слева — интерьер театра Друри-Лейн, Лондон. Гравюра И. Тейлора. 1804.

Справа — французские танцоры Ж. Доберваль и М. Аллар в балете «Сильвия». Гравюра неизвестного автора по рисунку Л.-К. Кармонтеля. XVIII в.

Заимствованием является и слово балет (*ballet* — заимствование из французского языка от итальянского *balletto*), вид сценического искусства, содержание которого раскрывается в танцевально-музыкальных образах. Балет начал формироваться в Европе в XVI в. У Н.М. Карамзина (и у других писателей конца XVIII в.) речь обычно идет о французских балетах. В «Письмах русского путешественника»:

«Музыка снова заиграла — все театральные герои рассыпались — занавес поднялся — начался балет» [Карамзин 1964.г, с. 339].

Интересна история слова сцена, заимствованного русским языком из латинского *scena*, а латинским — из греческого *σκήνη*. Но в театральной практике XVIII в. в значении: часть действия укрепляется заимствованное слово сцена. В этом значении: специальная площадка, на которой происходит театральное действие, существительное сцена начинает употребляться, лишь в конце XVIII в. До этого времени в литературном языке сценическая площадка именуется иначе: театрум, феатр, театр, а здание, где даются театральные представления, обозначались словами: комедийный дом, комедийная хранина, комедиальный амбар. Однако в конце XVIII в. понятиям сцена и театр соответствуют уже два различных слова. Здание, где даются представления, называют театром. В «Письмах русского путешественника» слово «сце-

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

на» обозначает не только определённый эпизод, изображённый в пьесе, романе, картине и т.д., но и «случай, эпизод, наблюдаемый в жизни»:

«Она позволила нам расцеловать своего Пьера, из чего вышла опять чувствительная сцена, и вот каким образом» [Карамзин 1964.г, с. 217].

2. Калькирование в текстах Н.М. Карамзина

Ещё одним способом обогащения словарного состава русского языка словами и фразеологическими оборотами на всем протяжении его развития было образование новых слов и фразеологических единиц на базе существующего уже в нем строительного материала. Вместе с тем было бы неверным не учитывать и еще один источник пополнения словаря и фразеологии, а именно — процесс использования русским языком словарного и фразеологического богатства других языков. Среди лексических и фразеологических фактов, в которых находит отражение иноязычное влияние, следует различать, с одной стороны, такие, которые объясняются прямым заимствованием, с другой, — такие, которые возникли в результате калькирования.

В соответствие с этим выделяются: а) заимствования или иноязычные слова и выражения б) кальки (от французского *calque* — «копия на прозрачном листе, подражание»).

Слова: *ложа, паркет, партер, терраса, сцена* и др., являются примерами заимствований. Это иноязычные по происхождению факты в русском языке. Они целиком пришли извне. Слова: *живой, картина, плоский, упоение, положение, расположение, обстоятельство* и др. не являются в своем материальном составе иноязычными. С точки зрения материального состава в них нет ничего иноязычного, заимствованного. Это русские слова, состоящие из русских морфем, русские обороты, состоящие из русских слов. И все же в них отражается нечто по происхождению чужое, заимствованное.

Прежде чем начать разговор о кальках, введённых в обиход Н.М. Карамзиным, следует немного сказать и о том, что же такое калька вообще, и какие виды словарных калек встречаются в русском языке.

Кальки представляют собой особый тип лексических заимствований в словарном составе русского языка. Прежде всего необходимо выделить главный признак, принимаемый за основу в кальке, — это перевод. Но в отличие от перевода как такового, калька — это перевод структурных частей иноязычного слова. Но далеко не всегда калька представляет собой буквальную передачу частей слов.

Простое перечисление примеров показывает, что далеко не всегда существует полное тождество состава слов. Вследствие того, что калькирование является мотивирующим способом создания слов, оно более всего удовлетворяет номинации и коммуникации как важнейших функций языка.

При калькировании создается план выражения для плана содержания, причем иноязычный план заменяется формами собственными, своего языка. По отношению к плану содержания калькирование является переводом и одновременно словообразовательным процессом, так как в его результате образуется новое слово, а не используется готовый эквивалент, имеющийся в языке. Но калькировать можно только мотивированные слова.

Кальки, в зависимости от того, что калькируется — слово или выражение, могут быть кальками лексическими и кальками фразеологическими. Более распространёнными, разнообразными являются лексические кальки.

Среди бытующих в русском словарном составе лексических калек выделяются два вида: а) кальки словообразовательные б) кальки семантические.

Словообразовательные кальки — это слова, представляющие перевод иноязычных слов средствами заимствующего языка по составляющим эти слова морфологическим частям, это слова — образовательные слепки чужих слов, составленные из корневых и аффиксальных морфем средствами заимствующего языка. Но материального заимствования не наблюдается, заимствованной оказывается лишь словообразовательная структура, строение слова, а не само слово как реальная номинативная единица. Иными словами, словообразовательными кальками называются слова, образованные на базе русских корней и аффиксов, но по структурным схемам иноязычных слов.

Словообразовательное калькирование — это двустороннее явление: по отношению к своему объекту оно перевод, а по способу осуществления и по отношению к своему результату (кальке) — словообразование, основанное на использовании мотивированности калькируемого объекта. Тем самым, словообразовательное калькирование представляет собой неразрывное единство словообразования и перевода.

Примеры словообразовательных калек, введённых М.Н. Карамзиным [Ефремов 1974, с. 61]:

- развлечение (от *divertissement* (*di-* — раз-; *-vert-* — -влеч-; *-issement* — -ение));
- впечатление (от *impression*);
- подразделение (от *departement*);
- расположение (от *disposition*);
- обстоятельство (от *circonstance*);

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

- плотность (от *densite*);
- непроницаемость (от *impenetrabilite*);
- дневник (от *journal*);
- предрассудок (от *prejudice*);
- развлекать (от *divertir*);
- рассеянный (от *diffus*), и др.

Слово «расположение» появляется в русском литературном языке как новообразование, введённое Карамзиным. Оно возникло, как перевод французского слово *disposition* по составляющим это слово морфемам: основе и суффиксу. Русские морфемы (в соответствии с французским оригиналом) в единстве образовали слово «расположение».

Примеры:

«Более шести миллионов талеров стоил королю сей дворец. — Правда, я был тут не в таком расположении, в каком надобно рассматривать пышные произведения искусств. Кровь моя волновалась, голова болела, и я насилу мог ходить. Оставив дворец, поехали мы назад в город, чтобы отдохнуть несколько в том трактире, где обедали» [Карамзин 1964.г, с. 131].

«Жалею, если вы часто бываете в таком расположении, какое здесь описано» [Карамзин 1964.г, с. 179].

«Если у вас нет детей, мне остается только жалеть, что вы не умеете наслаждаться друг другом и не знаете, как мило проводить целые дни с любезным человеком, деля с ним дело и безделье, в полной душевной свободе, в мирном расположении сердца» [Карамзин 1964.г, с. 569].

«Но приятностию общества наслаждаемся мы в коротком обхождении с друзьями и сердечными приятелями, которых первый взор открывает душу, которые приходят к нам меняться мыслями и наблюдениями, шутить в веселом расположении, грустить в печальном» [Карамзин 1964.г, с. 571].

Слово «впечатление», которое в конце XVIII в. ввёл в употребление Н.М. Карамзин, тоже является словообразовательной калькой (от французского слова *impression* — «впечатление»).

Примеры:

«Окончив свое путешествие, которое предпринял единственно для того, чтобы собрать некоторые приятные впечатления и обогатить свое воображение новыми идеями, буду жить в мире с натурою...» [Карамзин 1964.г, с. 179].

«...однако ж первое впечатление осталось, и мне никак не можно было разуверить себя в сем сходстве» [Карамзин 1964.г, с. 220].

«Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись тому, что падение Рейна не сделало во мне сильного впечатления...» [Карамзин 1964.г, с. 228].

Слово «рассеянный», словообразовательная калька от французского *diffus*, также введено Н.М. Карамзиным. Впервые оно встречается в «Письмах русского путешественника»:

«Скоро открылась мне сия последняя деревенька, состоящая из рассеянных по долине и по горе маленьких домиков» [Карамзин 1964.г, с. 256].

«Местечко или деревня Мейринген состоит из маленьких деревянных домиков, рассеянных по долине в великом расстоянии один от другого...» [Карамзин 1964.г, с. 265].

«Чистое обширное Женевское озеро, цепь Савойских гор, за ним белеющихся, и рассеянные по берегу его деревни и городки — Морж, Роль, Нион — составляют прелестную, разнообразную картину» [Карамзин 1964.г, с. 275].

Таким образом, словообразовательная калька — это слово из исконно русского материала, но возникшее как результат перевода, усвоения словообразовательной структуры чужого слова. Особенность словообразовательных калек заключается, следовательно, в том, что они возникают по словообразовательному образу и подобию соответствующих по значению иноязычных слов, но этим их «иноязычность» и ограничивается: корни, аффиксы, т.е. строительный материал, не заимствованный, а исконно русский. Калькирование в данном случае представляет собой заимствованию не самой материи иноязычного слова, а его структуры, т.е. слово — образовательного строения.

Семантическая калька — явление иного порядка. Семантическими кальками следует считать такие слова, в которых иноязычным по происхождению элементом является какой-либо смысл, семантика, лексическое значение: само слово в своем звучании, материальном составе и словообразовательной структуре являются исконным, одно же из присущих ему

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

значений обязано иноязычному происхождению, то есть значению какого-нибудь слова другого языка. Следовательно, в данном случае калькируется уже не словообразовательная структура чужого слова, а его значение, его семантика.

В лингвистической литературе выдвигались различные точки зрения по вопросу причин и принципов семантических изменений. Так, например, Г. Пауль пишет:

«Во всех случаях отклонения окказионального значения от узуального содержатся зародыши подлинного изменения значений. Регулярное возобновление таких отклонений приводит к постепенному превращению индивидуального и мгновенного в общее узуальное» [Пауль 1960, с. 103].

М.М. Покровский выдвигал идею «соответствия семасиологических¹⁰ изменений тем изменениям, которые происходят в

¹⁰ Семасиология — раздел языкознания, изучающий значения слов и выражений и изменения этих значений.

реальной среде, где живут люди» [Покровский 1959, с. 75]. В свою очередь, Н.А. Газанчян утверждает, что «развитие словарного состава, в частности перемещения в семантике слова, определяется потребностями говорящего коллектива, ибо прогресс языка в конечном итоге обусловлен общим прогрессом общества и мышления человека» [Газанчян 1972, с. 9].

Калькирование семантики происходит только тогда, когда чужое слово и своё имеют семантические точки соприкосновения, обладают объединяющими их одинаковыми прямыми номинативными значениями. Семантической калькой, следовательно, является своё, исконное слово, имеющее заимствованное, иноязычное значение. Словообразовательные кальки в современном русском языке (как и в любом другом) представляют обычно продукт книжного творчества: они появились в нем при переводах как новообразования переводчиков. Лишь потом некоторые из них становились достоянием устной литературной речи. Сказанное о словообразовательных кальках, позволяет сделать вывод, что этого рода слова, возникая как передача чужого слова с его структурой, не являются тем не менее заимствованными в прямом смысле этого слова. Это создания русского языка, с использованием русского лексико-словообразовательного материала. Передавая строение иноязычного слова, и, следовательно, будучи обязанными появлением в русском языке чужому языку, словообразовательные кальки все же представляют собой новые слова именно русского языка, неизвестные в данном конкретном виде в других языках (разумеется, если они не были заимствованы из русского).

«Семантическая калька — это исконное слово данного языка, заимствовавшее переносное значение у иноязычного синонима» [Перетрухин 1968, с. 194].

«Семантическое калькирование — это не только переосмысление, но и любое применение слова по иноязычному образцу, являющееся переводом калькируемого объекта» [Ефремов 1974, с. 97].

Если калькирование словообразовательного строения иноязычных слов приводит к возникновению в заимствующем языке собственно новых слов, до этого в нем не существовавших, то калькирование семантики чужих слов этого не дает; оно ведет лишь к обогащению новыми значениями уже существующих в заимствующем языке слов.

Семантическая переработка русских слов под влиянием соответствующих слов французского языка особенно интенсивно происходила в конце XVIII в. в речевой практике Н.М. Карамзина и его последователей. В качестве примера семантической кальки в русской лексике карамзинского периода можно привести слова «трогать», «трогательный» в значении «вызывать сочувствие, приводить в умиление». Своим появлением в русском литературном языке конца XVIII века эта калька обязана французскому глаголу *toucher*, которое в качестве прямых номинативных значений имеет те же значения, что и русский глагол «трогать», а именно — «прикасаться, дотрагиваться». Это единое прямое номинативное значение у глаголов *toucher* и «трогать» стало основой для заимствования русским глаголом «трогать» ещё и других, переносных значений, которые присущи французскому *toucher*. Тогда же, в рассматриваемое время, слово «трогательный» образует в новом своём значении широкий круг фразеологических связей. Например, в «Письмах русского путешественника» встречаются такие словосочетания: в трогательном виде; трогательные явления; трогательные места в оперетках; трогательная надпись; трогательный случай; с трогательным искусством выражено; трогательные письма; трогательный голос; трогательная мелодия; трогательное зрелище; трогательные арии. Эта калька активно использовалась Карамзиным в «Письмах русского путешественника»:

«Нынешние любимые драмы англичан... трогают более содержанием и картинами, нежели чувством и силою авторского таланта» [Карамзин 1964.г, с. 574],

«Какие трогательные арии!» [Карамзин 1964.г, с. 525].

Употребляются и производные образования — «трогательно», «трогательность»:

«Жаль, что здесь искусство не соответствует трогательности предмета!» [Карамзин 1964.г, с. 102],

«Г-жа Унцельман трогательно представляла молодую принцессу, влюбленную в принца» [Карамзин 1964.г, с. 136].

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

В описываемое время происходит значительное расширение сочетаемости слова «предмет», например, «любезный предмет глаз моих», «предмет прогулок», (в смысле — «место прогулок»); получает широкое распространение употребление слова «чувствовать» без дополнения. Так, например, на вопрос, почему же он не аплодировал музыкантам в опере, Карамзин коротко отвечает:

«Я чувствовал, сударыня» [Карамзин 1964.г, с. 436].

В этот же период (80-е—90-е гг. XVIII в.) начинается активное употребление слова «черта́» в значении «характерная особенность, отличительный признак, свойство» — в соответствии с французским оригиналом, имевшим разнообразные фразеологические связи (trait — черта́, признак, проявление, штрих). Например,

«Лафатер в печатном своем "Физиогномическом сочинении" бережется показывать в лицах те черты, которые означают худое...» [Карамзин 1964.г, с. 235],

«...Все черты, которые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные...» [Карамзин 1964.г, с. 416].

Тогда же у слова «сухой» формируется новое переносное значение — «холодный, суровый, неласковый, неучтивый». Например, в «Письмах русского путешественника» читаем:

«Некоторые шутки, конечно, довольно остры, но многие грубы, сухи и натянуты» [Карамзин 1964.г, с. 208].

А вот слово «живой» уже в первой половине XVIII в. выступает в значениях «выразительный, веселый». Так, уже у В.К. Тредиаковского находим:

«Все те, которая с нею обходятся, любят очюнь ея разговоры; глаза она имеет быстрыя, ясныя, и живыя, которые, когда им надобно, ясно и вразумительно говорят всем людям» [Тредиаковский 1849, с. 667].

Во второй половине XVIII в. у слова «живой» формируются новые отвлеченно-переносные значения, устойчивые словосочетания. Слово выступает в значениях «деятельный, полный жизненной энергии»:

«Она стала не так жива и весела, как прежде...» [Карамзин 1964.г, с. 296];

«сильно переживаемый, остро ощущаемый» (главным образом в сочетании с существительными «чувство», «чувствование», «страсть», «впечатление»):

«Человеку с живым чувством и с любопытным духом трудно ужиться на одном месте...» [Карамзин 1964.г, с. 136].

К семантическим калькам Н.М. Карамзина относится еще и такое слово, как **упиваться** (от французского se délecter, т.е. наслаждаться чем-то), отсюда — упоение, упоительный и т.п.

Слова «вкус», «блистательный» и другие также относятся к нововведённым семантическим калькам Карамзина. Впервые они встречаются в «Письмах русского путешественника»:

«Хотя он не одного вкуса со мною и никогда, по словам его, не читает книг, наполненных мечтами воображения, и хотя в любимых его науках я совершенный профан, однако ж мы нашли материю для разговора, и для него и для меня занимательную...» [Карамзин 1964.г, с. 252].

«Со вкусом одеться, хорошо войти, приятно взглянуть есть важное достоинство для женщины, которая живет в гостях, а дома только спит или сидит за туалетом» [Карамзин 1964.г, с. 497].

«Удивлялись его остроте, вкусу, красоте языка, искусству в повествовании» [Карамзин 1964.г, с. 180].

«Я скажу всем имеющим вкус, всем чувствительным: поезжайте в Веве» [Карамзин 1964.г, с. 279].

Благодаря Н.М. Карамзину изменило своё значение слово «тонкий»: тонкий вкус, тонкий ум, тонкий человек, тонкий слух, тонкая bestия, и т.п.

«Ни одна хорошая мысль, ни одно счастливое выражение не укрывается от тонкого вкуса здешней публики — "браво!" и рукоплескание» [Карамзин 1964.г, с. 418].

Академик В.В. Виноградов отмечал, что

«в начале XIX в. новые значения слов *вкус* и связанная с ними фразеология настолько укоренились в русском литературном языке, что даже защитники церковнокнижной старины принуждены были доказывать их национальную самобытность» [Виноградов 1982, с. 178].

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

Так, Е.И. Станевич¹¹ писал:

¹¹ Евстафий Иванович Станевич (1775—1835) — писатель и философ, убежденный противник карамзинистов; директор училищ Курской губернии. Член «Беседы любителей русского слова» — литературного общества во главе с Г.Р. Державиным и А.С. Шишковым, образованного в Петербурге в 1811 г.

«Мы имели свой *вкус* за целые сотни лет до того *вкуса*, который получили к галлицизму, хотя предки наши, когда рассуждали о вещах до понятий относящихся, вместо сего употребляли *чувство*, но перемена сия произошла в самом языке, так как и многие слова изменились у нас в своём знаменовании» [Станевич 1808, с. 19].

По тому же поводу А.С. Шишков неодобрительно комментировал:

«Французы по бедности языка своего везде употребляют слово *вкус*; у них оно ко всему пригодно: к пище, к платью, к стихотворству, к сапогам, к музыке, к наукам и к любви. Прилично ли нам с богатством языка своего гоняться за бедностию их языка? На что нам, вместо *храм, велелепно украшенный*, писать: *храм, украшенный с тонким вкусом*? Когда я читаю *тонкой, верной вкус*; то не должен ли воображать, что есть также и *толстой и неверной вкус*? Обыкновенно отвечают на сие: как же писать? Как сказать: *un goût delicat, un goût fin* [Нежный вкус, тонкий вкус, фр. — Е.И.]? Я опять повторяю, что если мы не упражнясь в своем языке, не вникая в оный, не чувствуя собственных своих красот, станем токмо о том помышлять, каким бы образом перевести такое то или иное французское выражение; одним словом, если мы сочиняя русскую книгу не перестанем думать по-французски, то мы никогда силы и красоты языка своего знать не будем. Для чего ни в Ломоносове, ни в Феофане, ни в Кантемире, ни во всех знавших хорошо русской язык писателях, не находим мы сего французско-русского состава речей? Для того, что они, начитавшись природных книг своих, сочиняли, *а не переводили сочиняя*, то есть почерпали мысли свои из собственного языка своего, а не из чужаго. Не токмо всяк сочиняющий книгу обязан стараться красотою языка своего воспалить разум и пленять сердца наши; но и тот, кто переводит, должен всякую сочинителю мысль силою своих, а не его слов, изображать» [Шишков 1817, с. 6].

Сходную точку зрения занимал и Е.И. Станевич. Так, касаясь употребления слова «блистательный», он пишет:

«Слово *блистательный* так точно у нас, как и у французов *brillant*, употребляться может, с тою токмо разностию, что французы по своей бедности одно слово ко всему прилагают, а мы должны ставить по приличию. Например, француз скажет *esprit brillant*, и русский, не слыхавший никогда французского слова *brillant*, может сказать тоже *блистательный ум*; но француз говорит и про лошадь *cheval brillant*, а русской сего сказать не может; для сего есть у него *статная, казистая, пригожая, красивая, видная лошадь*. И кажется, что блистательным мы можем называть приличнее и чаще умственно представляемые вещи, как-то: *блистательные подвиги, мечты, надежды, призраки и пр.*» [Станевич 1808, с. 22].

Количество русских слов, благодаря Н.М. Карамзину расширивших свои значения в эту эпоху под влиянием французского языка, трудно определить точно. В их числе — «развитие», «склонность», «влияние», «образ», «картина», «человечный», «бледность» и многие другие:

«Пастушка внимает ему, сказывает свои чувства и следует движению своей склонности, если он достоин ее сердца» [Карамзин 1964.г, с. 267].

«И пусть теперь доказывают мне, что изящные искусства не имеют влияния на счастье наше!» [Карамзин 1964.г, с. 129].

«Принимаясь за перо с тем, чтобы представить вам Париж хотя не в совершенной картине, но по крайней мере в главных его чертах...» [Карамзин 1964.г, с. 370].

«...Я от жару и духоты упал бы в обморок, если бы одна дама, приметив мою бледность, не подала мне спирту» [Карамзин 1964.г, с. 380].

«Бледность имеет свою прелесть, и женщины напрасно румянятся» [Карамзин 1964.г, с. 436].

Как уже было сказано, наряду с лексическими кальками в русском языке имеются и **фразеологические кальки**. Калькирование иноязычной фразеологии в ряде случаев приводит к возникновению таких русских словосочетаний, в которых синтаксические связи и семантические отношения слов не соответствуют существующим в русском языке правилам и законам. Следует отметить, что в исконно русских устойчивых сочетаниях идиоматического характера (то есть

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

во фразеологических сращениях) мы можем наблюдать и такие явления, которые противоречат живым нормам русского языка. Академик В.В. Виноградов отмечает:

«Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается синтаксической нерасчленённостью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например, так себе; была не была; как пить дать...» [Виноградов 1947, с. 23].

Это и позволяет иноязычным по происхождению оборотам (в виде фразеологических калек) войти в фразеологию русского языка так же прочно, как и исконным. Иноязычное происхождение подавляющего большинства фразеологических калек при этом совершенно не чувствуется [Шанский 1972, с. 124]. Например, в современной русской разговорной речи очень употребительно выражение «быть не в своей тарелке». Оно введено в употребление Н.М. Карамзиным и своим происхождением обязано французскому обороту «Ne pas etre dans son assiette» — «Быть в неустойчивом состоянии», то есть быть не в духе, не в настроении, плохо себя чувствовать. Во французском языке слово *assiette* — это и «тарелка», и «состояние», «настроение», «положение». То есть эти слова — обычные омонимы, каких много в любом языке, и никакой особой связи между «неустойчивым состоянием» и «тарелкой» здесь нет. Однако буквальный пословный перевод французского оригинала дал фразеологическую кальку — «быть не своей тарелке» — и обогатил русский язык очень интересным и образным выражением.

Это далеко не единственная фразеологическая калька, которую ввел в русский литературный язык Карамзин. В карамзинскую эпоху литературный русский язык значительно пополнился ещё и такими кальками французских выражений:

- принять решение;
- от всего сердца;
- игра не стоит свеч;
- жечь свечу с двух концов;
- сломать лёд (в переносном смысле);
- видеть все в чёрном свете.

Не следует забывать, что в XVIII в. русско-французская фразеология имела свои особенности. Она носила отпечаток того манерного, богатого метафорами, риторически изукрашенного, гладкого и изысканного, изящного и музыкального языка в стиле «элеганс», характерного для французского дворянского салона предреволюционной эпохи [Валькова 2000, с. 5], позднее получившей название «Старый Порядок» (L'Ancien Regime). Так, вместо «солнце» (*soleil*) говорили «светило дня», «дневное светило» (*journee lumiere*), вместо «глаза» (*yeux*) — «зеркала / зерцала души» (*miroir de l'ame*) или «рай души» (*le paradis de l'ame*).

Именно французский салон предреволюционной эпохи был «идеалом речевой культуры высшего русского общества XVIII века» [Валькова 2000, с. 4]. В дворянских кругах не считалось необходимым обучать детей родному языку, французским же они должны были владеть в совершенстве [Валькова 2000, с. 5].

А.С. Шишков безошибочно указывает причины упадка старой книжной культуры в среде европеизированного русского дворянства:

«Дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей находятся в руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что в языке своем никогда не упражняются» [Шишков 1817, с. 6].

«Старый Порядок» (L'Ancien Regime) на французских гравюрах XVIII в., слева направо: Салонный концерт. Гравюра А.-Ж. Дюкло с рисунка О. Сент-Обена; Элегантный ужин. Гравюра Ж.-М. Моро-мл.; Во время вечера. Гравюра Ф.А. Авелина по композиции Ж. Мондона-мл.

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

Неудивительно, что именно в то время в русском языке укореняются словосочетания, в точности соответствующие стилю и канонам французских салонов: «светило дня», «зеркало души», «весна жизни», «язык взоров», «гений покоя» и т.п. Также неслучайно, что самая многочисленная группа фразеологических калек, поныне существующих в современном русском языке, это фразеологические галлицизмы, влившиеся в русский язык в конце XVIII в. Вот только некоторые из них:

- бросить тень (на что-либо) — *jeter une ombre sur tout*;
- носить отпечаток — *portent la marque (empreinte)*;
- иметь место — *avoir lieu*;
- убить время — *tuer le temps*;
- манера выражаться — *manière exprimé*, и др.

Так, у Н.М. Карамзина в «Письмах русского путешественника» находим:

«Перечитываю теперь некоторые из своих писем; вот зеркало души моей в течение восемнадцати месяцев!»
[Карамзин 1964.г, с. 601];

«Геснер украсил весну жизни моей...» [Карамзин 1964.г, с. 242].

А.С. Шишков по такому случаю высказался следующим образом:

«Старые писатели сказали бы: в этом городе, или стране, повсюду наблюдается порядок и спокойствие, а нынешние говорят: все, что вы в этом городе видите, носит на себе (как будто какое платье) отпечаток порядка и спокойствия. Выражение сие переведено с французского *porter l'empreinte* [нося на себе его печать, фр. — Е.И.]»
[Шишков 1817, с. 67].

Можно понять неудовольствие почтенного адмирала. Действительно, у Карамзина нередки фразеологические иносказания, несколько осложняющие точное восприятие сказанного, например,

- «магазин человеческой памяти» [Карамзин 1964.г, с. 100];
- «образ милой саксонки остался в моих мыслях, к украшению картинной галереи моего воображения» [Карамзин 1964.г, с. 144];
- «не знают сего прекрасного средства убивать время (простите мне этот галлицизм)» [Карамзин 1964.г, с. 238];
- «...во всех приятных сценах моей юности» [Карамзин 1964.г, с. 242], и др.

Однако надо признать и то, что калькирование всё же является одним из действенных способов обогащения словарного состава любого языка.

3. Архаизмы и неологизмы в текстах Н.М. Карамзина

У Н.М. Карамзина отказ от целого ряда книжно-архаической лексики осуществляется систематически, последовательно. Писатель отказывается от многих широко употребительных ранее слов, и это приводит к разрушению привычных ранее синонимических пар. Он широко употребляет такие слова, как «сколь», «столь», «потому что», «только», «снова» или «опять», «сколько», «столько», «так», «там», и др. Разрушились такие синонимические ряды, как «сколь» — «коль», «понеже» — «зане», «только» — «токмо», «так» — «такое», и пр. Например:

«Только нельзя назвать Франкfurта хорошо выстроенным городом» [Карамзин 1964.г, с. 191].

«Нигде так явно не терпимы воры, как в Лондоне; здесь имеют они свои клубы, свои таверны и разделяются на разные классы: на пехоту и конницу (*footpad, highwayman*), на домовых и карманных (*housebreaker, pickpocket*)» [Карамзин 1964.г, с. 562].

«Опять страшный ветер, но попутный» [Карамзин 1964.г, с. 598].

Можно выделить три группы случаев, наблюдаемых в «Письмах русского путешественника»:

1. Во-первых, слова, которые Карамзин полностью исключил. Таковы, например, среди упоминавшихся выше — «такое», «такожде», «любление», «усугубить», «возмогать», «смеяние», «скоропреходный», «надмеваться», и другие.
2. Во-вторых, слова, достаточно свободно употребляемые в «Письмах русского путешественника» в определенных стилистических целях. Сюда можно отнести такие слова, как «отверзать», «снискать», «глава», «чело», «вежды», «восстать», «древо», «воззреть», и др. Например,

«Слезы заразительны, мои милые, а особливо в таком случае» [Карамзин 1964.г, с. 82].

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

3. В-третьих, — и этих случаев большинство — Н.М. Карамзин производил замены. Вместе таких слов, как «дабы», «отдохновение», «болезнь», «противоборствовать», «ныне», «возвестить», «долженствовать», писатель стал употреблять слова «чтобы», «боль», «противиться», «теперь», «объявить», «быть обязанным». Например:

«Теперь этот дом принадлежит господину... Забыл имя» [Карамзин 1964.г, с. 480].

«Кажется, будто он *выдумал* или для него *выдуманно* *общежитие*: столь мила его обходительность и столь удивительны его тонкие соображения в искусстве жить с людьми!» [Карамзин 1964.г, с. 506].

«Хотя в Базеле народ не имеет законодательной власти и не может сам избирать начальников, однако ж правление сего кантона можно назвать отчасти демократическим, потому что каждому гражданину открыт путь ко всем достоинствам в республике и люди самого низкого состояния бывают членами большого и малого совета, которые дают законы, объявляют войну, заключают мир, налагают подати и сами избирают членов своих» [Карамзин 1964.г, с. 211–212].

«Голова моя закружилась — мы вышли из галереи и сели отдыхать в каштановой аллее, в Jardin du Palais Royal» [Карамзин 1964.г, с. 369].

«Ныне целый день просидел я в комнате своей, один, с головою болью» [Карамзин 1964.г, с. 385].

Таким образом, стремясь к установлению единой «средней» общелитературной нормы, Карамзин ограничил использование архаического книжного элемента. Однако в ряде случаев Николай Михайлович всё же прибегает к устаревающей или устаревшей лексике, но делает это с особой стилистической целью, например:

«С каким рвением видим его, текущего к своей великой цели, которая есть благо человечества!» [Карамзин 1964.г, с. 105].

Отвергнув устаревшую книжную лексику, Карамзин не принял также и некоторые заимствования петровской эпохи, так и не прижившиеся в разговорном русском языке, например: *аттенция* — внимание; *инвитація* — приглашение; *мерит* — заслуга; *оффрировать* — изъявить желание, предложить; *респект* — уважение; *эстимация* — оценка, подсчёт; и т.д.

В авторской речи писатель довольно часто употребляют местоимения «сей» и «оный» (в речи персонажей они встречаются редко). Например:

«Сей первый ночлег был несчастлив для романа; боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не беспокоило меня в моем путешествии, сжег я его в печи, в благословенном своем жилище на Чистых Прудах» [Карамзин 1964.г, с. 90].

«Доктор Фауст, по суеверному народному преданию, есть великий колдун и по сие время бывает обыкновенно героем глупых пьес, играемых в деревнях или в городах на площадных театрах *странствующими* актерами» [Карамзин 1964.г, с. 95].

«...Сию записку буду хранить как священный памятник» [Карамзин 1964.г, с. 102].

«Под сим монументом, в темном своде, поставлен гроб, в котором лежит бальзамированное тело маршала» [Карамзин 1964.г, с. 204]¹².

¹² Речь идёт об одном из самых грандиозных творений скульптора Жана-Батиста Пигалья (1714–1785) — о гробнице Главного маршала Франции Морица Саксонского (1696–1750) в церкви Сен-Тома в Страсбурге.

«Сии горы более и более удаляются и темнеют, так что, наконец, не можно видеть на них ничего, кроме мрака» [Карамзин 1964.г, с. 206].

Примечательно, что местоимение «сей» в авторской речи Карамзина употребляется неустойчиво. На это обратил внимание ещё В.В. Сиповский¹³, автор не потерявшего до наших дней своего значения основательного и скрупулёзного

¹³ Василий Васильевич Сиповский (1872–1930) — филолог, литературовед, писатель, беллетрист, публикатор и редактор произведений русских писателей.

исследования текста карамзинских «Писем русского путешественника» в различных редакциях [Сиповский 1899]. Так, сравнивая текст «Писем русского путешественника» в «Московском журнале» и в журнале «Аглая», В.В. Сиповский отметил 35 случаев замены местоимения «сей» на «этот» и 23 случае устранения местоимения «сей» без всякой замены. Чаще устранялась форма среднего рода «сие». Местоимение «оный» заменялось на «этот» [Сиповский 1899, с. 160–161].

Н.М. Карамзин ввёл в употребление значительное количество неологизмов¹⁴ — именно ему мы обязаны появлением в

¹⁴ Неологизм — новообразованное слово, значение слова или словосочетание, недавно появившееся в языке. Но-

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

визна и необычность такого слова/словосочетания/оборота речи ясно ощущается носителями данного языка. Наука, изучающая неологизмы, называется неологией.

русском языке слов «влюбленность», «будущность», «общественность», «оттенок», «огромность», «семейственный», «усовершенствовать» и другие, среди которых, впрочем, оказалось некоторое число не вошедших впоследствии в активный запас слов, например, «ребячество», «намосты» (тротуары), и др.:

«Мне казалось, что я вижу там замки благодетельных фей — и все сказки, которые восплаляли младенческое мое воображение и делали меня в ребячестве маленьким Дон-Кихотом, оживились в моей памяти» [Карамзин 1964.г, с. 287].

«Нет другого города столь приятного для пешеходцев, как Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие тротуары, которые по-русски можно назвать намостами; их всякое утро моют служанки (каждая перед своим домом), так что и в грязь, и в пыль у вас ноги чисты» [Карамзин 1964.г, с. 528].

«Одно только не нравится мне в этом намосте, а именно то, что беспрестанно видишь у ног отверстия, которые ночью закрываются, а днем не всегда; и если вы хотя мало задумаетесь, то можете попасть в них, как в западню» [Карамзин 1964.г, с. 528].

Н.М. Карамзин активизировал процесс формирования отвлеченной лексики. Наиболее характерной для развития лексики этого времени была группа существительных, обозначающих качества, действия, состояния, относящиеся к внутреннему миру человека. Преобладающими здесь были существительные с суффиксом **-ость**, образованные от качественных прилагательных. Таковы слова «задумчивость», «недоверчивость», «недогадливость», «подозрительность», «рассудительность» и т.д.; например:

«...Видя их непрворство, неловкость и недогадливость, всякий должен думать, что они, просто сказать, глуповаты» [Карамзин 1964.г, с. 86].

«Лафатер в «Физиогномике» своей говорит, что высокий лоб его показывает весьма рассудительного человека» [Карамзин 1964.г, с. 126].

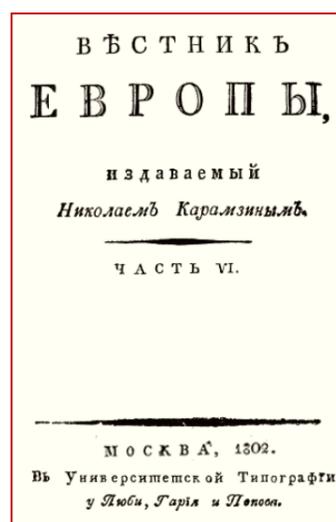
«Верст 30 от Парижа до Эрменонвиля: там Руссо, жертва страстей, чувствительности, пылкою воображения, злобы людей и своей подозрительности, заключил бурный день жизни тихим, ясным вечером; там последнее дело его было — благодеяние, последнее слово — хвала природе; там в мирной сени высоких деревьев, дружбою насажденных, покоится прах его...» [Карамзин 1964.г, с. 490].

«Уныло журчащий ручеек ведет вас, мимо диких гротов, к олтарию [так у Н.М. Карамзина — Е.И.] задумчивости» [Карамзин 1964.г, с. 492].

Отвлеченное существительное «влюбленность» было образовано в конце XVIII в. от прилагательного «влюбленный» и суффикса **-ость**. «Влюбленность» появляется лишь в самом конце века, на это указывает Карамзин в повести «Моя исповедь. Письмо к издателю журнала», опубликованной в № 6 журнала «Вестник Европы» за 1802 г.:

«Влюбленность — извините новое слово: оно выражает вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодетельное изобретение для света, который без нее походил бы на монастырь Латрапский» [Карамзин 1802, с. 154; 1964.а, с. 733].

В этом значении — состояние влюбленного человека — слово «влюбленность» продолжает употребляться по сей день.

Слева — Н.М. Карамзин. Портрет работы А. Молиари. 1810-е гг.

Справа — титульный лист 6-го номера издаваемого Н.М. Карамзиным журнала «Вестник Европы» за 1802 г., в котором была опубликована статья «Моя исповедь. Письмо к издателю журнала».

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

У Карамзина впервые появляются такие слова, как «добросовестность», «неловкость», «несоразмерность» и др. Большую тематическую группу составляют отвлечённые существительные, которые обозначают качества окружающего мира, например, «неразделимость», «огромность», «будущность».

«Приятная мысль быть участником в достохвальных трудах, соревнование между членами, неразделимость общей славы с личною, взаимное усердное вспоможение окриляют разум человеческий» [Карамзин 1964.г, с. 421].

«Какая розница [так у Карамзина — Е.И.] с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительною чистотою; там роскошь и бедность в вечной противоположности, здесь единообразие общего достатка...» [Карамзин 1964.г, с. 520].

В карамзинское время интенсивно пополняется и состав конкретной лексики. Такие слова, как «оттенок», «промышленность», «общественность» и т.д.:

«...в одном более характера, в другом более оттенок» [Карамзин 1964.г, с. 436].

В первом издании «Писем русского путешественника» (1791—1795 гг.), рассказывая об особенностях города Франкфурта, Н.М. Карамзин пишет:

«На всякой улице множество лавок, наполненных товарами. Везде знаки трудолюбия, промышленности, изобилия» [Карамзин 1964.г, с. 191].

К слову «промышленности» в этом тексте дано подстрочное примечание:

«Не может ли сие слово означать латинское или французское?»

Во втором издании «Писем русского путешественника» 1798 г. примечаний к этой фразе нет, но в третьем издании 1803 г. уже дано новое примечание:

«Это слово сделалось ныне обыкновенным: автор употребил его первый».

Действительно, в журналах начала XIX в. авторы статей уже широко используют этот карамзинский неологизм.

Существительное «промышленник» в значении «тот, кто промышленяет, добывает что-либо», было впервые отмечено в словаре 1704 г. и в литературе XVIII в. было широко распространено. К концу XVIII в. в русском языке существовало уже немало однокоренных слов, производных от глагола «промышлять-промыслить». В изданном в 1794 г. томе «Словаря Академии Российской» [Словарь Академии Российской 1793, с. 189] даны толкования таких слов, как «промышлять», «промышленный», «промышленник», «промысел».

569	МЫШ.	МЫШ.	570
	думанный, мыслю подробно разсмотренный.	зобрѣшаю что. Хорошее промыслаб средство.	
	Помышляю, ешь, помыслил, помышлю, шляшь, помыслишь. гл. д. 1) О чемъ: думаю, мышлю, въ умѣ представляю, воображая разсуждаю. <i>Наташа ломышляти книжницы. — Что ломышляете въ сердцахъ вашихъ?</i> Лук. в. 71 и 22. <i>Помышлять о смерти. Помышлять о суетѣ міра сего.</i> 2) Намѣреваюсь, желаю. <i>Онѣ ломышлятеб отсюда удалитса.</i> <i>Что въ, о лодные лотолки, Помыслите о нашихъ дѣлахъ?</i> Л.	<i>Промышленіе, нѣл. с. ср. Придуманіе, изобрѣшеніе въ умѣ.</i> <i>Промышленый, нѣл. нос. прил. Придуманный.</i>	
	<i>Помышленіе, нѣл. с. ср. 1) Воображеніе, представленіе чего въ умѣ, разсужденіе. 2) Намѣреніе, желаніе. Видѣвъ Исусѣб ломышленія ихъ, рече. Матѣ. тх. 4. Гослуде въств ломышленія теловѣтская. 1. Кор. тх. 2. Творяще волю лотни и ломышленія. Ефес. тх. 3. Злыя ломышленія.</i>	Промышляю, ешь, промыслил; мышлю, шляшь, промыслишь. гл. д. 1) Относительно къ Богу: управляю, попечительствую о всей твари <i>Богѣ о всѣхъ промышлятеб.</i> 2) Въ просторѣчїи а) Кормлюся; получаю, добываю, достаю пропитаніе себѣ отъ какого промысла. <i>Промышлятеб лодрлѣмн.</i> б) Ищу, стараюся найти, достаю что или кого. <i>Промыслите денсѣб. Промыслите работника.</i>	<i>Промышленый, нѣл. с. ср. 1) Воображеніе, представленіе чего въ умѣ, разсужденіе. 2) Намѣреніе, желаніе. Видѣвъ Исусѣб ломышленія ихъ, рече. Матѣ. тх. 4. Гослуде въств ломышленія теловѣтская. 1. Кор. тх. 2. Творяще волю лотни и ломышленія. Ефес. тх. 3. Злыя ломышленія.</i>
	<i>Злоломышленіе, нѣл. с. ср. Сл. Злое, вредное помышленіе.</i>	<i>Промышляется, гл. стр. нед. Ловитса, добывается. Книгы промышляются около Труманта.</i>	
	<i>Помыселѣ, сла. с. н. Тоже что помышленіе въ обонхъ смыслахъ. Имяте худыс, злые помыслы.</i>	<i>Промышленый, нѣл. с. н. Попечитель о всей твари, подастель благъ; говоритса о Богѣ.</i>	
	<i>Онѣ утро, естерѣ, ноце и днѣ Во тцетныхъ ломыслахъ проведитѣ. Лон.</i>	<i>Промыслаб, и Промыслаб, сла. с. н. 1) Относительно къ Богу: провидѣніе, попеченіе Божіе, пренудрость Божія, каковою управляетса нѣрѣ сей. <i>Нѣрѣ сей управляетса промыслабѣ. Уловате на промыслаб Божій.</i></i>	
	Примышляю, ешь, примыслил, примышлю, шляшь, примыслишь. гл. д. Мысля придумываю; въ умѣ и		Му

571	МЫШ.	МЫШ.	572
	<i>Мужайтеси: промыслаб насѣ небскыи изкушаетѣ. Л.</i>		
	2) Вообще означаетъ всякое ремесло, искусство, упражненіе доставляющее пропитаніе. <i>У всякаго свой промыслаб.</i> 3) Особенно значить звѣрину или рыбную ловлю. <i>Промыслаб китовой, звѣриной.</i>		
	<i>Промышляемой, нѣл. прил. 1) Въ видѣ существительнаго употребляемое: человекъ умѣющій ремесломъ, искусствомъ своимъ доставать себѣ прїстойное пропитаніе. 2) Проворной, способной доставать себѣ прибыль.</i>		
	<i>Промысленикъ, ка. с. н. Попечитель. <i>А онѣ Государи налѣб промысленикъ, дѣлѣ и тамѣ налн промыслитѣ, какѣ ему Государю Богѣ извѣстятѣ.</i> Нѣл. лѣн. вт. 129.</i>		
	<i>Промышленый, ка. с. н. Тотѣ кошторой имѣетѣ промыслаб. <i>Звѣриные, рыбные промысленики.</i></i>		
	<i>Промышлениковѣ, ва, во. прил. Промышленнику принадлежащій.</i>		
	<i>Промышленый, чѣя, чѣе. прил. Промышленикамъ вообще свойственный, принадлежащій.</i>		
	Размышляю, ешь, размыслил, размышлю, шляшь, размыслишь. гл. д. Разсуждаю, въ умѣ разбираю, соображаю. <i>Петру же размышляющу о видѣнїи. Дѣян. х. 19.</i> <i>Размышляте о каколѣ предметѣ. <i>Говоритса о томѣ не размысла ка</i></i>		
		<i>леребѣ.</i>	
		<i>Размысленіе, нѣл. с. ср. 1) Дѣйствіе разума, ищущаго посредствомъ разсужденія истинныи въ чѣмъ; разбираніе, разсмотрѣніе чего въ умѣ. <i>По долголѣб размысленїи на концѣб сказалѣ. <i>Говоритса, сказате это безѣ размысленїа.</i></i></i>	
		2) Сочиненіе содержащее въ себѣ разсужденіе, о каколѣ либо предметѣ. <i>Считате размысленїа святыхъ отцовѣб. <i>Размысленіе о смерти.</i></i>	
		<i>Размыслаб, сла. с. н. шар. Иже нѣрѣ. <i>Примываетѣ къ себѣ Государи нѣлнгиа илнече на размысла, хитра, намына градскому раззоренїю, и приказываетѣ ему лодколѣб лодѣ градолѣ цѣнитн.</i> Нѣл. лѣн. вт. 163.</i>	
		<i>Поразмыслити, поразмыслил, поразмышлю. гл. д. нед. Подробнѣе поразсудитѣ, поразобразѣ въ умѣ. <i>О семѣ дѣлѣ нужно хорошенко лоразмыслити.</i></i>	
		<i>Смышляю, смыслил, смыслишь. гл. д. нелосп. Разумѣю, знаю, свѣденіе о чѣмъ нѣтъю. <i>Не уеѣдѣша смыслити: яко отсмышлѣша оти ихѣ, еже емаѣни.</i> Исѣян. хтв. 18. <i>Онѣ въ этолѣб нѣгго не смыслитѣб.</i></i>	
		<i>Смыслящій, чѣя, чѣе. прил. Разумѣющій, знающій, свѣдущій. <i>Видѣша бѣснопошагося, сѣдѣща, и облагена и смысляща.</i> Марк. в. 15.</i>	
		<i>Смышляемый, нѣл. нос. Смышляемый, на, но. прил. Разумѣющій, ищущій</i>	

Страницы со словами «промышленность» (слева) и «промышленник» (справа) из шестой части (тома) Словаря Академии Российской (1794).

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

Согласно Словарю, *промышлять* — значило добывать себе пропитание от какого-либо промысла. Причём это слово считалось просторечным [*Словарь Академии Российской 1793, с. 188*].

На первый взгляд, карамзинский неологизм «промышленность» сходен по значению с издавна существующими в русском языке словами «дело», «ремесло», «промысел». Но Карамзин стремился создать термин, заключающий в себе понятие куда более широкое, совокупно описывающее все виды и роды промыслов и ремесел, все формы производительной деятельности человека. Подтверждение этому мы находим в «Письмах русского путешественника»:

«...Жители всех стран предлагают мне плоды своих трудов, своей промышленности...» [*Карамзин 1964.г, с. 201*].

У Н.М. Карамзина слово «промышленность» впервые приобретает принципиально новый смысл — «смысл термина, навеянного французским словом *industrie*, которым первоначально называли всякое "искусство, мастерство", а к концу XVIII в. уже и "производство"» [*Друговейко-Должанская 2015*].

Однако вплоть до середины XIX в. новосозданное Карамзиным слово «промышленность» употреблялось ещё и в значении «ремесло», «промысел». Так, например, у А.С. Пушкина читаем:

«Выменяв часть товаров на ром и водку, бедные индийцы отдают и остальные за бесценок; за продолжительным пьянством следует голод и нищета, и несчастные дикари принуждены вскоре опять обратиться к скудной и бедственной своей промышленности» [*Пушкин 1962.а, с. 176*].

Даже в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, изданном в 1863—1866 гг., промышленность определяется так:

«Промышленность ж. все занятия, дающие средства жизни, богатства, иногда отделяют торговлю, и даже ремесла, разумея остальные занятия народа, частью случайные и временные» [*Даль 2001, с. 344*].

Зато В.Г. Белинский уже употребляет это слово именно в том смысле, который вкладывал в него Н.М. Карамзин:

«Мы возьмем у англичан их промышленность, их универсальную практическую деятельность, но не сделаемся *только* промышленниками и деловыми людьми; мы возьмем у немцев науку, но не сделаемся *только* учеными...» [*Белинский 1953, с. 552*];

«Так, например, целые три века история Европы двигалась и управлялась мыслию о политическом равновесии, которая состояла в том, чтобы не допускать ни одно государство быть сильнее других, хотя бы его сила была чисто внутренняя и проистекала от успехов торговли, промышленности, цивилизации, просвещения» [*Белинский 1955.в, с. 45*].

В второй половине XIX в., когда в России окончательно сложилась полноценная тяжёлая индустрия с применением пара и электричества, слово «промышленность» наконец-то обретает современное значение: «отрасль народного хозяйства, которая в отличие от сельского хозяйства и торговли занимается разработкой недр земли и переработкой сырья» [*Котович 1940, с. 26*]. Кроме того, этим словом начинают также называть всю совокупность предприятий какого-либо производства.

В современном русском языке термин «промышленность» отчётливо отделяется от терминов «ремесло» и «промысел», и обозначает теперь совокупность предприятий (заводов, комбинатов, фабрик, рудников, шахт, электростанций), занятых производством орудий труда (как для других отраслей народного хозяйства, так и для самой промышленности), добычей сырья, материалов, топлива, производством энергии и дальнейшей обработкой продуктов, полученных в промышленности или произведённых в сельском хозяйстве — производством потребительских товаров [*Промышленность 1975, с. 81*].

Существительное «общественность» образовано традиционным способом: от прилагательного «общественный», известного литературе XVIII в., и суффикса **-ость** самого продуктивного суффикса этого времени для образования слов с отвлечённым значением. В словарях конца XVIII — начала XIX вв. находим лишь однокоренные слова; так, в «Словаре Академии Российской» есть только слово «общественный» («Обществу какому принадлежащий; касательный до общества» [*Словарь Академии Российской 1793, с. 304*]). Автор «Писем русского путешественника» употребил слово «общественность» в значении «общение», «общительность».

«Я хочу сказать, что в них видно более *духа общественности*, нежели в другом народе» [*Карамзин 1964.г, с. 138*].

«А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой земле все возможные удобства жизни, как будто бы нарочно для меня придуманные; по которой жители всех стран предлагают мне плоды своих трудов, своей промышленности и призывают меня участвовать в своих забавах, в своих весельях...» [*Карамзин 1964.г, с. 201*].

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

В конце XVIII в. появилось прилагательное «общеполезный», образованное сложением основы прилагательного «общий» и прилагательного «полезный». Впервые оно встречается в статье Н.М. Карамзина «О публичном преподавании наук в Московском университете»:

«Никогда науки не были столь общеполезны, как в наше время» [Карамзин 1803, с. 261].

Карамзин ввел в употребление и впервые использовал в «Письмах русского путешественника» прилагательное «семейственный»:

«Ныне читал я также с великим удовольствием Ифландовы драмы, которые можно назвать прекрасными семейственными картинами...» [Карамзин 1964.г, с. 189].

«Но картина добрых нравов и семейственного счастья всего более восхищает меня в деревнях английских, в которых живут теперь многие достаточные лондонские граждане, делаясь на лето поселянами» [Карамзин 1964.г, с. 567].

В чайной на открытом воздухе.
Художник Дж. Морланд. 1790.

«...Та, которая светские удовольствия предпочитает семейственным, не может назваться попечительною» [Карамзин 1964.г, с. 569].

Процесс появления новых слов в языке — процесс нормальный и естественный. Одни слова из языка уходят, другие же приходят им на смену. Этот процесс ведёт к возникновению в словарном составе языка нового слоя пассивного словарного запаса — неологизмов [Архипова 2015]. Неологизмы — это слова, которые, появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, пока ещё не вошли в активный запас языка. Они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся языком и не волеются в активный запас лексики. Таким образом, если то или иное слово, даже возникшее как языковой факт совсем недавно, стало всеобщим и общеупотребительным, потеряло специфические стилистические качества и вошло в активный запас языка, то оно теряет характер неологизма и превращается в родовую единицу актуальной лексики языка [Шанский 1972, с. 126].

Заключение

Петровская эпоха стала переломным моментом в истории России. Россия шагнула в новое время, с новыми порядками. По словам Ю.М. Лотмана,

«начало XVIII в. произвело в жизни России большую и в общем мучительную перемену. Перемена в чем-то была необходима, но и необходимые вещи бывают очень трудными. Основное сводилось к тому, что образованная часть общества зажила в одном духе, а народ остался при старых представлениях» [Лотман 1994, с. 58].

Появилась необходимость в новых понятиях. Пётр Великий, как организатор русской государственной жизни, сознавал нужду в таком языке, который служил бы для всего Русского государства «органом правительственной власти» и «символом государственного единства» [Винокур 1959, с. 111].

До начала XVIII в. в качестве письменного литературного языка в России употреблялся церковнославянский (иначе — славяно-русский [Виноградов 1978, с. 21]) язык. Он широко использовался как в художественной литературе, так и в официально-деловых документах, и в научных трактатах. Это был русский язык, развивавшийся на основе старославянского.

**Иоакеимиди Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

ского языка (в отличие от народного древнерусского [Введенская и др. 2005, с. 12; Виноградов 1978, с. 21]). Поэтому в петровскую эпоху в ряд первостепенных задач выдвинулось создание единого национального русского языка.

Тем самым в силу объективных причин XVIII в. в России становится эпохой формирования единого национального русского языка, который в своем окончательном виде сложился только в первые десятилетия уже следующего, XIX в. В описываемое же время в русском языке происходит концентрация общенародных элементов за счет отбора наиболее распространенных особенностей южнорусского и северно-русского наречий. Одновременно с этим начинается демократизация языка: в его лексический состав, грамматический строй в значительном количестве входят элементы живой устной речи городского купечества, служилых людей, низшего духовенства, грамотных крестьян. Наряду с демократизацией начинается освобождение от влияния церковнославянского языка [Введенская и др. 2005, с. 12].

В разгоревшемся в конце XVIII в. споре о том, что же следует считать основой русского национального языка, какую роль должен играть церковнославянский язык в развитии его стилей, как следует относиться к простонародному языку и просторечию, приняли участие, прежде всего, Н.М. Карамзин и его последователи, с одной стороны, и охранительно-консервативное направление во главе с А.С. Шишковым, с другой.

Слева — Н.М. Карамзин. Портрет работы В.А. Тропинина. 1818.

Справа — А.С. Шишков. Портрет работы О.А. Кипренского. 1828. Фрагмент.

По мнению карамзинистов, преобразование русского языка требовало его освобождения от последствий влияния церковнославянского языка. При этом ориентироваться следовало на современные европейские языки, — в первую очередь, на французский. Они указывали, что русскому языку необходимо придать легкость, сделать его простым и понятным широкому кругу читателей. Для этого предлагалось, во-первых, исключить из русского языка архаические и профессиональные славянизмы и канцеляризмы, специальные термины различных ремёсел и наук, грубое просторечие; во-вторых, создавать и вводить в оборот новые слова, расширять семантику старых слов для обозначения новых понятий, вошедших в жизнь [Введенская и др. 2005, с. 12].

Н.М. Карамзин и его сторонники ставили себе целью создать доступный широкому читательскому кругу единый язык «для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут». Этот новый язык должен был стать языком русской «общественности», русской цивилизации, языком «хорошего светского общества». В понятии «хорошего общества» Н.М. Карамзин, в отличие от А.С. Пушкина, не объединял «образованное сословие» и простой народ. Поэтому «новый слог Российского языка» не был достаточно демократичным. Он опирался на «светское употребление слов» и на «хороший вкус» европеизированных «верхов» общества. Тем не менее, реформа, произведённая Н.М. Карамзиным, значительно содействовала развитию и углублению национальных тенденций в русском литературном языке.

А.С. Пушкин, создатель современного русского литературного языка, писал о реформаторской деятельности Карамзина следующим образом:

«...Схоластическая величавость, полуславенская, полулатинская, сделалась было необходимою: к счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова» [Пушкин 1962в, с. 385].

Пушкин вообще исключительно высоко отзывался о Карамзине:

«Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности» [Пушкин 1962б, с. 139].

Он называл Карамзина «великим писателем во всем смысле этого слова» [Пушкин 1978, с. 373] и видел в нём своего союзника в деле создания русской прозы [Сапченко 2005, с. 154].

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

Строгим критиком воззрений Н.М. Карамзина и его приверженцев был А.С. Шишков, который считал, что именно старославянский должен стать основой русской литературной речи. По его представлению, между церковнославянским и русским языками существуют только стилистические различия. Однако, примечательно, что академик В.В. Виноградов, хоть и называет А.С. Шишкова «реакционным сторонником церковно-книжной культуры» [Виноградов 1978, с. 51], всё-таки признаёт, что именно А.С. Шишков вскрыл «ряд существенных недостатков карамзинской реформы, связанных с недооценкой культурного наследия славянизмов, с непониманием исторической роли славяно-русского языка и его выразительных средств, а также с аристократическим отношением к народной речи и к народной поэзии. Благодаря работам Шишкова были глубже осознаны соответствия в строе и словаре русского и церковнославянского языков, точнее определились семантические границы между русским и западноевропейскими языками» [Виноградов 1978, с. 52].

В языке сосредоточен и представлен весь исторический опыт народа; состояние языка свидетельствует о состоянии самого общества, его культуры, его мироощущения [Введенская и др. 2005, с. 11]. Не имея чёткого представления о развитии и состоянии языка в разные периоды его существования, невозможно грамотно формировать языковую политику, поскольку, лишь хорошо зная прошлое, можно правильно понять настоящее и ясно предвидеть будущее. Поэтому чтобы в полной мере уяснить существо процессов, происходивших в русском языке в конце XVIII в., мы и обратились к творческому наследию Н.М. Карамзина, выбрав предметом исследования его «Письма русского путешественника».

В «Письмах русского путешественника» мы выделили и рассмотрели 201 единицу заимствованной лексики, что позволило сделать вывод об изменении в рассматриваемую эпоху самого состава заимствований с точки зрения его лексико-тематической характеристики по сравнению с предшествующим временем. Это было связано с углублением процесса европеизации жизни русского общества, как в сферах общественно-социальной, культурной, научной, так и в бытовой, что и определило состав заимствований Н.М. Карамзина.

Рассмотрение 49 лексических единиц лексических и семантических калек, используемых в «Письмах...», показали плодотворность данного способа обогащения словарного состава языка и, одновременно, необходимость осторожного обращения с калькированием.

В «Письмах...» нами было выделено 34 лексические единицы архаизмов и 44 — неологизмов. Выполненное нами исследование свидетельствует об ограниченном использовании Н.М. Карамзиным архаического, книжного элемента, о стремлении и установлении единой «средней» общелитературной нормы. Однако метафорически некоторые архаические слова Н.М. Карамзин всё же употребляет.

В результате выполненного нами исследования было рассмотрено и проанализировано 328 лексических единиц в тексте «Писем русского путешественника». О соотношении типов лексических единиц в текстах Н.М. Карамзина можно судить по **диаграмме 1**.

Диаграмма 1. Соотношение (в процентах) типов лексических единиц в текстах Н.М. Карамзина

Подводя итог, можно утверждать, что в целом путь, избранный Н.М. Карамзиным, оказался плодотворным. Лексические единицы, введённые в им употребление, прочно вошли в активный словарный запас современного русского языка.

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов Т.А. Третьяков и Карамзин (пути развития русской прозы XVIII века) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2012. № 1. С. 79–83.
2. Архипова Г.И. Обобщение опыта работы по теме «Развитие речи младших школьников» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Тумановской СОШ. Режим доступа: http://tumanovo.edu22.info/Sayts/Arhipova_GI/1.2.01.html.
3. Белинский В. Г. Русская грамматика Александра Востокова // Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1955.а. С. 253–256.
4. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955.б. С. 99–579.
5. Белинский В.Г. История Малороссии // Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955.в. С. 44–65.
6. Белинский В.Г. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Сочинение М. Загоскина. Издание пятое. Три части. Москва, 1838 // Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 550–565.
7. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 624 с.
8. Валеев Э.Н. Первый русский романтик Г.П. Каменев. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2001. 79 с.
9. Валькова Е.А. Роль заимствований в создании салонных стилей русского литературного языка конца XVIII – начала XIX веков. Автореф. дисс. ... к. филол. н. М.: Московский педагогический ун-т, 2000. 28 с.
10. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 554 с.
11. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 49–50.
12. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
13. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
14. Винокур Г.О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С.111–137.
15. Второв Н. Гаврила Петрович Каменев // Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный графом В.А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. Кн. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1845. 164 с.
16. Вяземский П.А. Старая записная книжка. М.: Захаров, 2000. 364 с.
17. Газанчян Н.А. Семантико-стилистические сдвиги в заимствованной лексике (советский период). Автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1972. 24 с.
18. Грот Я.К. Карамзин в истории русского литературного языка // Филологические разыскания. Труды Я. К. Грота: В 5 т. Т. 2. СПб.: Изд-во т-ва «И.Н. Кушнерёв и К°», 1899. С.46–86.
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 576 с.
20. Друговейко-Должанская С. Чем промышляет промышленность [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 12 мая. № 083. Режим доступа: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10236379@SV_Articles.
21. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата: Казахский гос. ун-т, 1974. 191 с.
22. История внешней политики России (кон. XV в. – 1917 г): В 5 т. / Редкол.: А.Н. Сахаров и др. Т. 1: Конец XV–XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения, 1999. 447 с.
23. Карамзин Н.М. Моя исповедь. Письмо к издателю журнала // Вестник Европы. 1802. № 6. С. 147–167.
24. Карамзин Н.М. Моя исповедь. Письмо к издателю журнала // Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М. – Л.: Художественная литература, 1964.а. С. 729–739.
25. Карамзин Н.М. О публичном преподавании наук в Московском университете // Вестник Европы. 1803. № 23/24. С. 261–268.
26. Карамзин Н.М. Отчего в России мало авторских талантов // Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М. – Л.: Художественная литература, 1964.б. С. 183–187.

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

27. Карамзин Н.М. Пантеон российских авторов // Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М. — Л.: Художественная литература, 1964. в. С. 156—172.
28. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М. — Л.: Художественная литература, 1964.г. С. 77—604.
29. Котович А.Н. История слова промысл // Русский язык в школе. 1940. № 4. С. 24—27.
30. Левин В.Д. Традиции высокого стиля в лексике русского литературного языка первой половины XIX века // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 5. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 183—214.
31. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 670 с.
32. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 525—606.
33. Макаров П.И. Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», напечатанную в Петербурге 1803 года в 8 долю листа // Московский Меркурий. 1803. Ч. IV. Кн. 12. Декабрь. С. 155—198.
34. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 432 с.
35. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 501 с.
36. Перетрухин В.Н. Введение в языкознание. Белгород: Белгородский гос. пед. ин-т им. М.С. Ольминского, 1968. 359 с.
37. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М.: Москва, 2011. 538 с.
38. Покровский М.М. Избранные труды по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.
39. Промышленность // Большая Советская Энциклопедия. 3-е издание. Т. 21. М.: Советская Энциклопедия, 1975. С. 81. Стб. 231.
40. Пушкин А.С. Джон Теннер // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1962.а. С. 165—190.
41. Пушкин А.С. Заметки на полях статьи П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова» // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 373—383.
42. Пушкин А.С. Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1962.б. С. 134—142.
43. Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1962.в. С. 378—406.
44. Сапченко Л.А. Пушкинская и гоголевская оценки Карамзина: сходства и различия // Гоголь и Пушкин: IV Гоголевские чтения: Сб. докладов / Под общ. ред. В.П. Викуловой. М.: КДУ, 2005. С. 153—164.
45. Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: Императорский СПб. ун-т, 1899. 660 с.
46. Словарь Академии Российской. Ч. 4. СПб: Императорская Академия Наук, 1793. 639 с.
47. Словарь Академии Российской. Ч. 6. СПб.: Императорская Академия Наук, 1794. 600 с.
48. Станевич Е.И. Способ рассматривать книги и судить о них. СПб.: Медицинская типография, 1808. 118 с.
49. Третьяковский В.К. Езда в остров Любви // Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Третьяковского. Т. 3. СПб.: Издание Александра Смирдина, 1849. С. 639—732.
50. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 328 с.
51. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных учёных обществ члена. Ч. II. СПб: Типография Императорской Российской Академии, 1817. С. 1—357.
52. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1803. 446 с.
53. Anderson R.B. "Karamzin's Concept of Linguistic Cosmopolitanism" in Russian Literature." *South Central Bulletin* 31.4 (1971): 168—170.
54. Bilenkin V. "The Sublime Moment: Velichestvennoe in N.M. Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*." *Slavic and East European Journal* 42.4 (1998): 605—620.

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

55. Black J.L., ed. *Essays on Karamzin: Russian Man-of-Letters, Political Thinker, Historian, 1766 – 1826*. Hague and Paris: Walter de Gruyter, Mouton, 1975. 232 p.
56. Kleespies I. "Caught at the Border: Travel, Nomadism, and Russian National Identity in Karamzin's "Letters of a Russian Traveler" and Dostoevsky's "Winter Notes on Summer Impressions"." *Slavic and East European Journal* 50.2 (2006): 231 – 251.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Иоакеимиди, Е. Типы лексических единиц в текстах Н.М. Карамзина (на примере «Писем русского путешественника») [Электронный ресурс] / Е. Иоакеимиди // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 10. — Вып. 1: Пространство и время текста. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_ast10-1.2015.73.

TYPES OF THE LEXICAL UNITS IN NIKOLAY M. KARAMZIN'S TEXTS (CASE STUDY OF LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER)

Eirini P. Ioakeimidi (Ιωακειμίδη Ειρήνη, Thessaloniki, Greece), B.Litt., Master's Degree student at Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)
E-mail: eirini-ioak@hotmail.com

Modern Russian language has a lot of unnecessary loanwords that became a social problem. So, linguistic borrowings are one of the most important problems in both Russian language and Russian language studies. For their understanding, history of Russian literary language and its reforming is important. At the end of 18th century in Russia, there were hot debates about what should be considered the basis of the Russian national language, what should be the role of the Church Slavonic language in the development of the styles of the Russian language, and how to regard to common language and to common parlance. Participants of such disputes were Nikolai M. Karamzin and his followers, on the one hand, and the Archaists headed by Alexander S. Shishkov, on the other.

The subject of my study is Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*. As a rule, scholars considered this series of essays as one of the most important sources of information on eighteenth-century Russian and European culture. However, this Karamzin's creative work is essential for fully understanding root of the matter of processes occurring in the Russian language in the late 18th century. In order to identify and analyze types of lexical units in Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*, I use historical and genetic method, method of considering language means within the text, semantic-stylistic, linguistic-stylistic methods, and statistical analysis of the text.

In my article, I have considered the borrowed vocabulary in the amount of 201 units in this text. I show Karamzin's era has changed the very composition of linguistic borrowings from the point of view of its lexical and thematic characteristics in comparison with the previous time. This was due to the deepening Europeanization process in Russian society (in fields of social, cultural, scientific and in the household), which determined the composition of Karamzin's loanwords.

I also considered 49 lexical units of lexical calques. Karamzin introduced the numerous lexical calques in Russian language. It was one of the fruitful methods of enrichment of vocabulary, but it is necessary to be very careful in this way.

As to archaisms and neologisms in Karamzin's text, I identified 34 lexical unit as archaic and 44 ones as neologisms. So, it proves N.M. Karamzin's limited using archaic literary elements. However, sometimes Nikolai Karamzin had used some archaic words metaphorically.

As a result of the carried out research we has reviewed and analyzed 328 lexical units in the text of Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* that is the first holistic picture of all types of its lexical items. I conclude in general, path chosen by Nikolai Karamzin, proved to be fruitful. As a result of his efforts to domesticize a foreign word, they become part of the active vocabulary of modern Russian language.

Keywords: Nikolai Karamzin, Vasily Trediakovsky, Alexander Shishkov, Alexander Pushkin, *Letters of a Russian Traveler*, loanwords, linguistic calque, archaisms, neologisms.

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

References:

1. Alpatova T.A. "Trediakovsky and Karamzin (Paths of Russian Eighteenth-century Prose Development)." *Herald of Moscow State Regional University. Series Russian Philology* 1 (2012): 79–84. (In Russian).
2. Anderson R.B. "Karamzin's Concept of Linguistic "Cosmopolitanism" in Russian Literature." *South Central Bulletin* 31.4 (1971): 168–170.
3. Arkhipova G.I. "Generalization of Experience in Speech Development in Junior Schoolchildren." *Official Website of Tumanovo Secondary General School*. Tumanovo Secondary General School, n.d. Web. 20 July 2015. <http://www.tumanovo.edu22.info/Sayts/Arhipova_GI/1.2.01.html>. (In Russian).
4. Belinsky V.G. "Alexander Pushkin's Writings." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publisher, 1955, volume 7, pp. 99–579. (In Russian).
5. Belinsky V.G. "Alexander Vostokov's Russian Grammar." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publisher, 1955, volume 8, pp. 253–256. (In Russian).
6. Belinsky V.G. "History of Little Russia." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publisher, 1955, volume 7, pp. 44–65. (In Russian).
7. Belinsky V.G. "Mikhail Zagoskin's Essay *Yury Miloslavsky, or Russians in 1612*. The Fifth Edition. Three Parts. Moscow, 1838." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publisher, 1953, volume 2, pp. 550–565. (In Russian).
8. Bilenkin V. "The Sublime Moment: Velichestvennoe in N.M. Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*." *Slavic and East European Journal* 42.4 (1998): 605–620.
9. Black J.L., ed. *Essays on Karamzin: Russian Man-of-Letters, Political Thinker, Historian, 1766–1826*. Hague and Paris: Walter de Gruyter, Mouton, 1975. 232 p.
10. Buslaev F.I. *Historical Grammar of the Russian Language*. Moscow: Uchpedgiz Publisher, 1959. 624 p. (In Russian).
11. Valeev E.N. *The First Russian Romanticist Gavriil P. Kamenev*. Voronezh: Volgograd State Pedagogical University Publisher, 2001. 79 p. (In Russian).
12. Valkova E.A. *The Role of Borrowings in Salon Style Creation in Russian Literary Language of Late 18th – Early 19th Centuries*. Synopsis of Ph.D. diss. Moscow, 2000. 28 p. (In Russian).
13. Vvedenskaya L.A., Pavlova L.G., Kashaeva E.Yu. *Russian Language and Speech Culture*. Rostov-on-Don: Feniks Publisher, 2005. 554 p. (In Russian).
14. Vinogradov V.V. "Main Stages of the History of Russian Language." *Selected Works. History of Russian Literary Language*. Moscow: Nauka Publisher, 1978, pp. 49–50. (In Russian).
15. Vinogradov V.V. *Essays on History of Russian Literary Language of 17th – 19th Centuries*. Moscow: Vysshaya shkola Publisher, 1982. 528 p. (In Russian).
16. Vinogradov V.V. *Russian Language. Grammatical Doctrine on Word*. Moscow: Uchpedgiz Publisher, 1947. 784 p. (In Russian).
17. Vinokur G.O. "Russian Literary Language in the First Half of 18th Century." *Selected Works in Russian Language*. Moscow: Uchpedgiz Publisher, 1959, pp. 111–137. (In Russian).
18. Vtorov N. "Gavrila Petrovich Kamenev." *Yesterday and Today. Literary Digest, Compiled by Count V.A. Sollogub, Published by A. Smirdin*. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences Publisher, 1845, volume 1. 164 p. (In Russian).
19. Vyazemsky P.A. *An Old Notebook*. Moscow: Zakharov Publisher, 2000. 364 p. (In Russian).
20. Gazanchiyan N.A. *Semantic and Stylistic Shifts in Borrowed Vocabulary (Soviet Period)*. Synopsis of Ph.D. diss. Novosibirsk, 1972. 24 p. (In Russian).
21. Groth J.K. "Karamzin in the History of Russian Literary Language". *Philological Research. J.K. Groth's Works in Five Volumes*. St. Petersburg: I.N. Kushnerev and Co. Publisher, 1899, volume 1, pp. 46–86. (In Russian).
22. Dal V.I. *Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language*. Moscow: OLMA-PRESS Publisher, 2001, volume 3. 576 p. (In Russian).
23. Drugoveyko-Dolzanskaya S. "By What Industry Is Carrier?" *St. Petersburg Bulletin*. N.p., 12 May 2006. Web. 20 July 2015. <<http://www.grammar.ru/RUS/?id=14.45>>. (In Russian).
24. Efremov L.P. *Fundamentals of the Theory of Lexical Replication*. Alma-Ata: Kazakh State University Publisher, 1974. 191 p. (In Russian).
25. Sakharov A.N., ed. *History of Russia's Foreign Policy (Late 15th c. – 1917). Volume 1: End of the 15th – 17th cc. (From the*

ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

- Overthrow of the Tartar Yoke until Northern War*). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publisher, 1999. 447 p. (In Russian).
26. Karamzin N.M. "My Confession. A Letter to Magazine Publisher." *Herald of Europe* 6 (1802): 147–167. (In Russian).
 27. Karamzin N.M. "My Confession. A Letter to Magazine Publisher." *Selected Writings*. Moscow and Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1964, volume 1, pp. 729–739. (In Russian).
 28. Karamzin N.M. "On Public Sciences Teaching in Moscow University." *Herald of Europe* 23/24 (1803): 261–268. (In Russian).
 29. Karamzin N.M. "Why There Are Few Authors' Talents in Russia." *Selected Writings*. Moscow and Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1964, volume 2, pp. 183–187. (In Russian).
 30. Karamzin N.M. "Pantheon of Russian Authors." *Selected Writings*. Moscow and Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1964, volume 2, pp. 156–172. (In Russian).
 31. Karamzin N.M. "Russian Traveler's Letters." *Selected Writings*. Moscow and Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1964, volume 1, pp. 77–604. (In Russian).
 32. Kleespies I. "Caught at the Border: Travel, Nomadism, and Russian National Identity in Karamzin's "Letters of a Russian Traveler" and Dostoevsky's "Winter Notes on Summer Impressions"." *Slavic and East European Journal* 50.2 (2006): 231–251.
 33. Kotovich A.N. "The History of the Word 'Industry'." *Russian Language in School* 4 (1940): 24–27. (In Russian).
 34. Levin V.D. "High Style Tradition in Vocabulary of Russian Literary Language of the First Half of the 19th Century". *Materials and Researches on the History of the Russian Literary Language*. Moscow and Leningrad: USSR Academy of Sciences Publisher, 1962, volume 5, pp. 183–214. (In Russian).
 35. Lotman Yu.M. *Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of Russian Nobility (18th – Early 19th Century)*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publisher, 1994, 670 p. (In Russian).
 36. Lotman Yu.M., Uspensky B.A. "Karamzin's Russian Traveler's Letters and Their Place in Russian Culture Development". *Russian Traveler's Letters* by N.M. Karamzin. Leningrad: Nauka Publisher, 1984, pp. 525–606. (In Russian).
 37. Makarov P.I. "Criticism on the Book Entitled "Essay on Old and New Styles of Russian Language", Published in Petersburg 1803, Octavo." *Moscow Mercury* IV.12 (1803): 155–198. (In Russian).
 38. Mordovchenko N.I. *Russian Criticism of the First Quarter of Nineteenth Century*. Moscow and Leningrad: USSR Academy of Sciences Publisher, 1959, 432 p. (In Russian).
 39. Paul G. *Principles of Language History*. Moscow: Inostrannaya literatura Publisher, 1960, 501 p. (In Russian).
 40. Peretruxhin V.N. *Introduction to Linguistics*. Belgorod: Belgorod Olminsky State Pedagogical Institute Publisher, 1968, 359 p. (In Russian).
 41. Pogodin M.P. *Nikolai Mikhailovich Karamzin, in His Writings, Letters and Contemporaries' Comments. Materials for Biography, with Notes and Explanations*. Moscow: Moskva Publisher, 2011, 538 p. (In Russian).
 42. Pokrovsky M.M. *Selected Works on Linguistics*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publisher, 1959, 382 p. (In Russian).
 43. "Industry." *Great Soviet Encyclopedia*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publisher, 1975, volume 21, p. 81, column 231. (In Russian).
 44. Pushkin A.S. "John Tanner." *Collected Writings*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1962, volume 6, pp. 165–190. (In Russian).
 45. Pushkin A.S. "Notes on the Margin of P.A. Vyazemsky's Article "About V.A. Ozerov's Life and Works"." *Complete Writings*. Leningrad: Nauka Publisher, 1978, volume 7, pp. 373–383. (In Russian).
 46. Pushkin A.S. "M.E. Lobanov's Opinion on Spirit of Literature, both Foreign and Domestic". *Collected Writings*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1962, volume 6, pp. 134–142. (In Russian).
 47. Pushkin A.S. "Journey from Moscow to Petersburg." *Collected Writings*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1962, volume 6, pp. 378–406. (In Russian).
 48. Sapchenko L.A. "Pushkin's and Gogol's Assessment of Karamzin: Similarities and Differences". *Gogol and Pushkin. Proceedings of 4th Gogol Readings*. Ed. V.P. Vikulov. Moscow: KDU Publisher, 2005, pp. 153–164. (In Russian).
 49. Sipovsky V.V. *Nilolai M. Karamzin, Author of "Russian Traveler's Letters"*. St. Petersburg: Imperial Saint–Petersburg University Publisher, 1899, 660 p. (In Russian).
 50. *Dictionary of the Russian Academy*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publisher, 1793, part 4, 639 p. (In Russian).
 51. *Dictionary of the Russian Academy*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publisher, 1794, part 6, 600 p. (In Russian).

**ИОАКЕИМИДИ Е. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(НА ПРИМЕРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)**

Russian).

52. Stanevich I.E. *The Way to Contemplate Books and Assess Them*. St. Petersburg: Medical Typography Publisher, 1808, 118 p. (In Russian).
53. Trediakovsky V.K. "Journey toward Island of Love." *Complete Works of Russian Authors. Essays by Trediakovsky*. St. Petersburg: Alexander Smirdin Publisher, 1849, volume 3, pp. 639–732. (In Russian).
54. Shansky N.M. *Lexicology of Modern Russian Language*. Moscow: Prosveshchenie Publisher, 1972, 328 p. (In Russian).
55. Shishkov A.S. "Essay on Old and New Syllable of Russian Language." *Works and Translations by Admiral Shishkov, Who Is President of Russian Imperial Academy and Member of Various Scientific Societies*. St. Petersburg: Typography of Imperial Russian Academy Publisher, 1817, part II, pp. 1–357. (In Russian).
56. Yanovsky N.M. *The New Explanatory Dictionary in Alphabetical Order*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publisher, 1803. 446 p. (In Russian).

Cite MLA 7:

Ioakeimidi, E. P. "Types of the Lexical Units in Nikolai M. Karamzin'a Texts (Case Study of "Letters of a Russian Traveler")." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya: 'Prostranstvo i vremya teksta' [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time: Space and Time of Text]* 10.1 (2015). Web. <2227-9490e-aprovr_e-ast10-1.2015.73>. (In Russian).